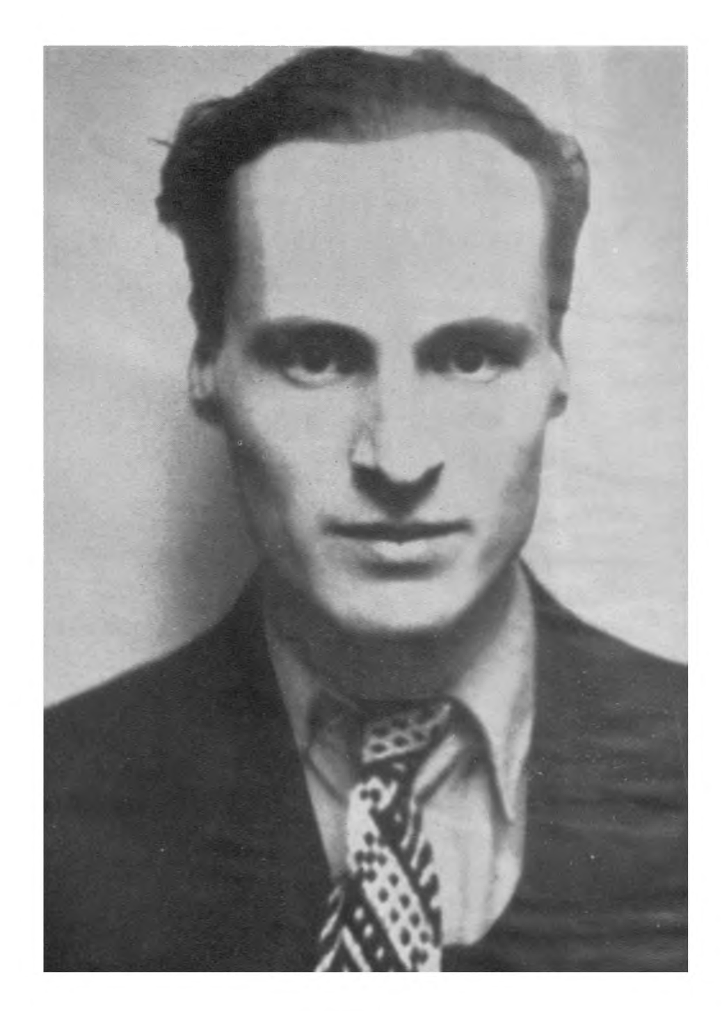
Н. П. ГРОНСКІЙ

СТИХИ
И
ПОЭМЫ

ПАРАБОЛА

Н. П. ГРОНСКІЙ

СТИХИ И ПОЭМЫ

ПАРАБОЛА / ПАРИЖЪ

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ГРОНСКІЙ

(Род. 11 іюля ст. ст. 1909 г. † 21 ноября нов. ст. 1934 г.)

Н. П. Гронскій родился въ Теріокахъ (Русская Финляндія). Почти все дѣтство провелъ въ Россіи, проживая лѣтомъ въ Тверской губерніи, а по зимамъ въ Петербургѣ, гдѣ его отецъ Павелъ Павловичъ Гронскій читалъ лекціи по государственному праву въ Петербургскомъ университетѣ, въ качествѣ молодого привать-доцента, и гдѣ потомъ былъ членомъ четвертой Государственной Думы отъ Тверской губерніи.

Послѣ революціи Н. П. Гронскій съ матерью и сестрой былъ принужденъ жить въ разныхъ городахъ Россіи.

Одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ Н. П. Гронскій пріѣхалъ во Францію, гдѣ и прожилъ большую часть своей короткой жизни.

По пріѣздѣ въ Парижъ онъ поступилъ въ русскую среднюю школу, которую окончилъ весной 1927 года; и затѣмъ на юридическій факультетъ. Съ дипломомъ баккалавра en droit онъ перешелъ на Faculté de Lettres Парижскаго Университета, который и окончилъ въ 1932 году со степенью licencié (Langue et Litterature Russe).

Для пополненія своихъ знаній по исторіи Н. П. Гронскій поступилъ въ январѣ 1933 года въ Брюссельскій университетъ, гдѣ былъ принятъ на 3-ій курсъ факультета философіи и литературы, и лѣтомъ, сдавъ экзамены, перешелъ на 4-й курсъ.

Конецъ 1933 года и 1934 годъ онъ готовилъ подъ руководствомъ проф. Legras тезу о Державинѣ. Ранняя смерть прервала предпринятую имъ работу.

21 ноября 1934 года, годъ съ небольшимъ тому назадъ, въ 7 часовъ 30 мин. вечера на пересадкѣ метро станціи Pasteur, когда Н. П. Гронскій ѣхалъ отъ однихъ друзей къ другимъ, онъ былъ задѣтъ проходившимъ поѣздомъ, сброшенъ на землю и тяжело раненъ. Скончался, не приходя въ сознаніе, въ Hôpital Necker, куда его перевезли послѣ раненія.

Н. П. Гронскій похороненъ на новомъ кладбищѣ въ Медонѣ.

Съ пріѣзда своего во Францію, и до самаго дня смерти, вся жизнь Н. П. Гронскаго проходитъ подъ знакомъ ученія.

Родной языкъ, поэзія, литература, исторія, философія и религія — особенно интересовали его; онъ изучалъ ихъ, погружался въ нихъ, проникался ими, тщательно изучая все къ нимъ относящееся. Его потребность дѣлиться съ другими своими знаніями, въ формѣ уроковъ и бесѣдъ, еще болѣе способствовала пополненію и организованности этихъ знаній.

Горы, куда онъ ежегодно уѣзжалъ на лѣто, начиная съ 1929 года, произвели на него огромное впечатлѣніе и остались глубочайшимъ образомъ связанными съ его произведеніями.

Можно сказать, что Библія, горы, родина, подвигъ жизни, героизмъ и связанная съ нимъ смерть были главными источниками его поэтическаго вдохновенія.

Въ послѣднее лѣто своей жизни Н. П. Гронскій впервые увидѣлъ три своихъ стихотворенія въ печати. Они были изданы отдѣльнымъ листкомъ въ Ковно по иниціативѣ А. М. Томской.

Нынѣ издаваемый сборникъ «Стихи и поэмы» Н. П. Гронскаго, подготовлялся самимъ авторомъ къ печати. Онъ самъ отобралъ, печатаемыя въ этомъ сборникѣ стихотворенія, самъ переписалъ большую часть изъ нихъ въ особую тетрадь, хотя и не успѣлъ переписать всѣ.

Смерть помѣшала ему увидѣть эту книгу.

Се, Азъ есмь — тишина Вселенной.
Въ многокрылатости безкрылъ,
Есмь въ откровеньяхъ сокровенный,
Глаголющій черезъ Сивиллъ,
Волхвовъ, пророковъ и поэтовъ. . .

1928.

(Отрывокъ изъ оды «Богъ»)

ВОСПОМИНАНІЕ

Помню Россію такъ мало,
Помню Россію всегда.
Вокзалы, вокзалы, вокзалы,
Куда то идутъ поѣзда.

Помню другую — вагоны
(Подъ головой пулеметъ).
Патроны, патроны, патроны. . .
Который билъ тогда годъ?

Какими верстáми, мостáми,
Мѣстами нашъ поѣздъ идетъ
— Мы ѣдемъ крестами, крестами —
Который? — послѣдній походъ.

Помню другую. — Не вѣрный
Отблескъ свѣчей, образа,
Послѣднее слово вечерни:
«Вашъ домъ? — приходите сюда.»

Жребій конца и начáла,
Дѣтскіе гóды, годá.
Помню Россію такъ мало.
Помню Россію всегда.

Bellevue 1928.

ЧИСЛО

Отчужденъ я отъ міра:
Четыре стѣны,
Семизвѣздная лира
Въ глубинѣ высоты.

Черезъ всѣ времена
Млечный путь — звѣздный мостъ.
Письмена, имена,
Безымянности звѣздъ.

Bellevue 1928.

КНЯЗЮ С. М. ВОЛКОНСКОМУ

Любовь моя растетъ, какъ лавръ вѣчнозеленый,
Какъ стройный стволъ дорической колонны,
Какъ обелиска тѣнь въ пустынѣ раскаленной,
Какъ памятникъ Поэтомъ вознесенный.

Любовь моя растетъ, какъ эхо межъ горами,
Какъ башни Notre-Dame растутъ колоколами,
Какъ своды готики органными трубами.
Созвучные громáмъ, рожденные громáми.

Звени, рожденная созвучными концами
Послѣднихъ словъ, Ты, — Рифма межъ словами.

Bellevue 1928.

ІОАННЪ БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ

(15 іюня 1215 года)

I

Не нормандскіе вóроны, — воры ворóны
Не подохшую падаль-клююютъ-короля.
Вороненые стяги, бароны, бароны. . .
Вороненою сталью покрыта земля.

«Ни одинъ изъ бароновъ не будетъ повѣшенъ
Безъ суда себѣ равныхъ». Шумѣла рѣка,
Усмѣхались бароны и отъ этихъ усмѣшекъ
Изъ подъ ногъ короля уходила земля.

И кричали воро́ны, и смѣялись бароны,
И латинскія гордо звучали слова,
И Великая Хартія противъ короны
Вѣрноподданнымъ всѣмъ обѣщала права́.

А во чревѣ вѣковъ колебалися троны,
Почему у бароновъ не одна голова?

II

Есть въ Бриттаніи родъ искони безземельный,
— Соль британской земли возлюбившая соль,
— Соль морскую и звѣздами ходъ корабельный.
Глубоки ихъ могилы — это мили — король

Безземельный лишь тотъ, кто высо́ко повѣшенъ.
О, въ Бриттаніи много растетъ конопли!
Безземельный король стоитъ только насмѣшекъ,
— У него не отнимутъ могильной земли.

Bellevue 1928.

РИМЛЯНЕ

Лагери любы инымъ:
Звуки трубы и войны
Проклятой отъ матерей.

„Múltos cástra iuvánt ét lituó tubaé
„Pérmixtús sonitús, béllaque mátribús
„Détestáta.

Горацій.
кн. I, ода I.

Я отравился гордостью латинянъ,
Я такъ люблю ихъ плавные стихи,
Глаза и лбы бездушно-умныхъ римлянъ,
Ихъ рѣчи, ихъ одежды, ихъ грѣхи.

И какъ они, люблю трубу, — не струны, —
Орлиныхъ легіоновъ рядъ.
Люблю, когда военные трибуны
Передъ войсками рѣчи говорятъ.

Стопы солдатъ въ стопахъ тяжелаго спондея,
Шагъ легіоновъ черезъ всѣ вѣка́. . .

Bellevue 1928.

ОРЕЛЪ

I

Колеблемый когортами, —
Ихъ — шагъ, твой — лётъ, — впередъ!
Войска́ идутъ болотами,
— Твой облакомъ полетъ.

Идутъ они долинами,
— Горами твой полетъ.
Они считаютъ милями,
— Побѣдами твой счетъ.

II

Въ страны вѣчности Римъ отошелъ,
Оскудѣла вѣра въ Боговъ,
Опустилися вѣки вѣќовъ
И заснулъ латинскій орёлъ.

Спитъ орёлъ — это сонъ временъ;
Крылья сомкнуты, тоже глаза,
Не разбудитъ букцины звонъ,
— На костяхъ легіоновъ трава.

И проходитъ временъ легіонъ,
Какъ когорты проходятъ вѣка́.
Видитъ сонъ, слышитъ слово «Тулонъ»,
— Разомкнулися очи орла.

Барабанъ далеко рокоталъ. . .
— Разметнулися крылья орла, —
Черезъ пропасти велъ генералъ,
— Марсельеза надъ бездной прошла.

Корсиканская — римская — кровь,
Императоръ въ объятьяхъ орла.

И колеблютъ когортами вновь
Легiоны безъ счета-числá.

Но послѣднiй разбитъ легiонъ,
И Беллона двоихъ унесла.
Съ легiонами слава, какъ сонъ,
— Съ императоромъ слава — скала.

Оба спятъ на границѣ скалы.

Bellevue 1928.

* *
*

Посв. М. Ц.

Отперъ дверь я. — Два синихъ крыла,
Отступила на шагъ и вошла.
«Другъ, повѣрь, я»... — и крыльями складки плаща —
«О, не въ дверь я, — въ жизнь твою я вошла».

Октябрь 1928.

*   *
*

Посв. М. Ц.

Изъ глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной, какъ церковь на днѣ моря.
Съ Тобою быть хочу во снѣ-на днѣ хранимымъ
Въ глубинныхъ нѣдрахъ Твоего простора.

Такъ, вѣки затворивъ, вѣка́ на днѣ песчаномъ,
Ушедъ въ просторный сонъ съ соборомъ чернымъ,
Я буду повторять во снѣ — «Осанна!» *)
И ангелы морей мнѣ будутъ вторить хоромъ.

Когда же въ день Суда, по слову Іоанна,
Совьется небо, обратившись въ свитокъ,
И встанутъ мертвые, я буду говорить: — «Осанна»,
Оставленный на днѣ — и въ день Суда — забытый.

Bellevue 1928.

---

*) Осанна-спасеніе.

Посв. В. Б.

СѢВЕРЪ

I

Сѣверъ: — море изо льда,
Сѣверъ: — слово «никогда».
За полями безконечности,
Сѣверъ, ты: — залогомъ вѣчности.

Сѣверъ: — больше нѣтъ широтъ,
— Не доходитъ пароходъ,
Растеряютъ сани парныя
Экспедицiи полярныя.

За морями твоими коварными,
За полями твоими полярными
— Полюсъ.
Сердце леденитъ

Слово.
Полюсъ: — звѣздами горитъ,
Полюсъ: — кладбище молитвъ.
Всѣхъ желѣзныхъ и стальныхъ
Тянетъ пóлюса магнитъ.

— Что тамъ есть, — гора стоитъ?
— Мiра ль ось тамъ, — что еще? —
— Поле — полюсъ — ничего.

II

Сѣдины твои, — сѣверъ, — серебро,
— Королей твоихъ, — сѣверъ, — серебро.
Серебромъ въ снѣгахъ трубятъ герольды:
Сѣверъ, это — любовь Изольды.

Голубы твои, — сѣверъ, — глаза.
— Королевъ твоихъ, — сѣверъ, — глаза.
По слѣдамъ, снѣгамъ и пó льду
Златокудрую — ищу — Изольду.

III

Холодна твоя, — сѣверъ, — земля,
— Королей твоихъ, — сѣверъ, — зéмли.
Очи сѣвера, это — моря :
— Глубину свою, сѣверъ, пріемли.

IV

Серебромъ звенятъ мятели.
Сѣверъ: иглы, сóсны, ели. . .
Зелены деревъ короны,
Сѣверъ: — боръ вѣчнозеленый.

Сѣверъ: — скалы, скальды, фьорды,
Какъ деревья люди го́рды.
Сѣверянъ горды поклоны,
Здравствуй, сѣверъ непреклонный.

Сѣверъ: — викинги и скальды,
Златокудрые Гаральды,
— Золото волосъ какъ стру́ны.
Здравствуй, сѣверъ бѣлокурый.

V

Молодыя лица хмуры.
Сѣверяне бѣлокуры.

VI

Голубыя очи, — дерзость,
Голубыя жилки, — нѣжность
Отошедшихъ поколѣній.
Рыцарь сѣвера послѣдній!

Ротъ надменный, — не цѣлованъ,
Сталью воротникъ окованъ;
Бѣлокуръ и голосъ дѣтскій. . .
Карлъ XII-ый, коро́ль швецкій.

VII

(смерть Карла XII-го)

Тамъ, гдѣ стѣна была не выше метра,
Ни Бога, ни картечи не боясь,
Весь ленъ волосъ отдавши волѣ вѣтра,
Откинувши назадъ свой офицерскій плащъ,

Склонивши непреклонныя колѣни
(и стоя такъ быть можетъ въ первый разъ)
Глядѣлъ король. По стѣнамъ укрѣпленій
Вся жизнь, какъ тѣнь, и тѣнь, какъ жизнь неслась.

— Неснившіеся сны. — Возлюбленныя тѣни
Охоты: волки, лоси, рокотанья
Роговъ, бѣгущіе рогатые олени,
Лѣса роговъ, дороги безъ названья.

Безъ имени - числа голубоглазыхъ тѣни,
Надменныхъ шведовъ бѣлокурые полки.
Стройны, какъ королевскіе олени, —
Его Величества замерзшіе стрѣлки.

Одинъ, какъ Одинъ, плащъ по вѣтру знамя,
Вся грудь открыта сѣвернымъ вѣтра́мъ,
Надменная улыбка... Пламя:
Въ високъ, на вылетъ, навзничь, на поваль.

Орбита лѣвая зіяла пустотою,
Изъ правой око синее текло.
Посмертный жестъ: за рукоять рукою.
— Не здѣсь, но тамъ всю шпагу наголо.

Bellevue 1928.

Посв. В. Б.

ВСТРѢЧА

Пусть дважды будетъ приговóръ
Надъ золотой Твоей главою, —
Я заключаю договоръ
Съ Твоей безсмертною душою.

Въ крылатости безрукихъ плечъ,
Изъ странъ послѣднихъ вдохновеній,
— Зову Тебя изъ вихря встрѣчъ,
Зову изъ вѣтра посѣщеній.

Такъ, крылья на груди крестомъ
— Не сломитъ Вѣры вѣроломность. —
Приди, покинь высокій домъ,
— Зову тебя въ мою бездомность.

Bellevue 1928.

НА СМЕРТЬ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА *)

Плыви колоколами колоколенъ,
Зачатый въ вѣчности, рождайся Новый Годъ.
Къ вамъ, воины, — угрюмъ, къ вамъ, ангелы, —
спокоенъ,
— На караулъ! — великій князь идетъ.

Стрѣлки французскихъ войскъ, — союзники когда-то,
— За Марну благодарность налицо...
Солдаты, гробу храбраго солдата,
— Знамена долу, сабли наголó.

Твой погребальный ходъ: — походъ послѣдній,
Надгробный крестъ: — послѣдній орденъ Твой.
Примите младшаго, Корниловъ и Калéдинъ,
Клони копье, Пронзающій Святой.

Bellevue 1928—29.

---

*) Подробности жизни и характера В. Князя были мнѣ тогда совершенно неизвѣстны.

Посв. В. Б.

ПОѢЗДА

«Гудятъ моей высокой тяги
«Лирическіе провода
Мар. Цвѣтаева. «Послѣ Россіи».

I

(Поѣзда ночью)

Кто вы? Въ какія вы стра́ны,
Го́ры и города́?
Полночь. Вздыхаютъ титаны,
Это идутъ поѣзда.

На ипподромѣ желѣзномъ
Тысячи мчатъ колесницъ,
Лѣстницей рушится въ бездну
Тысячелѣстничный циркъ.

Что это? — Пе́репoло́хи,
Шумности про́тивобо́рствъ,
— Тысячекра́тные вздохи
На безконечностяхъ верстъ.

— Двѣ подчиненныхъ стихіи
Мнимостей двухъ постоянствъ,
— Пламени, влаги, — и съ ними:
Пре́одолѣнье пространствъ.

Стихъ — этотъ вздохъ мой безсонный,
Эхомъ рожденный, отдамъ
Бéзповорóтно влюбленнымъ
Въ дáли — прямымъ поѣздамъ.

Радуюсь всѣмъ нарушеньямъ
Ритмовъ:
Взорваннымъ котламъ,
Рельсы рушащимъ крушеньямъ,
Въ бездну сорваннымъ мостамъ.

Стихъ посвящаю влюбленнымъ
Въ дáли — прямымъ поѣздамъ.

II

(Отъѣздъ)

Трель переливная умолкла.
Чьихъ это нѣдръ, чьей груди вздохъ?
Не чайки вылетѣли въ óкна —
— Прощайте — тысячи платковъ.

Давленье атмосферъ незримыхъ,
Стального сердца тяжкій стукъ.
Какіе океаны дыма,
И сколько тонущихъ въ нихъ рукъ!

Махая тканью дымовою,
Такъ отъ Энея плылъ Пергамъ. . .
Всему отъѣзду взмахъ рукою,
— Наполеоновскій полкамъ
Въ день Фонтенбло.

Bellevue 1929

Посв. В. Б.

ЭХО

Вся гордость отвѣта на вызовъ:
— Я крикнулъ — и эхо въ горахъ
Откликнулось, не повторило, но вто́рило
Въ скалахъ и льдахъ.

Не такъ ли на звонъ Олифанта
Роланду звенѣло въ ушахъ,
— Въ отвѣтъ на allegro, — andante,
Какъ эхо отъ рога въ горахъ

И отрогахъ.
Бароновъ
Рога́ не услышалъ Роландъ, —
— Но трубами ангельскихъ сонмовъ
Гремящій съ небесъ дифирамбъ

Небеснаго воинства въ сферахъ,
Въ синѣющихъ горныхъ шатрахъ.
Роландъ, это — эхо въ трувéрахъ,
Поэтъ, это — эхо въ вѣкахъ.

Bellevue 1929.

ТУМАНЫ

I

Туманъ: — чистилище грядущихъ,
— Вѣковъ минувшихъ пелена.
Въ шатрахъ и бѣлоснѣжныхъ кущахъ
Тысячелѣтій племена,

— Бѣлѣющая безконечность.
Туманъ временъ, туманъ вѣковъ,
Туманы звѣздъ. — Путь млечный-вѣчный.
Туманъ: — дыханіе боговъ

Языческихъ и самыхъ древнихъ.
Сѣдое утро Бытія. —
— Рогъ не трубилъ еще въ деревняхъ,
Плугъ не пахалъ. — Тогда земля,

Какъ въ пелены новорождённый,
Закутана въ туманъ, спала.
И былъ туманъ по всей вселенной,
— Сѣдое утро Бытія.

II

Иные вѣдомы туманы.
Быть часу, утру и трубѣ,
И дрогнутъ страны, дрогнутъ храмы,
И станетъ мгла по всей землѣ.

Въ долины тысячи драконовъ —
— Тумановъ древнихъ поползутъ,
И легіоны, легіоны
Изъ бездны Имя призовутъ.

Тогда скрижали заскрежещутъ,
Ликъ солнца, вставши, не зайдетъ,
Тьмы ангеловъ, какъ свѣтъ заблещутъ,
Свѣтъ солнца тьмою изойдетъ.

И въ этотъ часъ первопослѣдній
Архистратигъ громогрядущъ,
Громотрубящъ — громовъ наслѣдникъ,
Молньеразящъ — наслѣдникъ тучъ,

Прахъ попирая тверди звѣздной,
Вострепетавъ и вострубивъ,
Мечемъ разрубитъ мглу надъ бездной,
— Туманы, долу! — Судъ живыхъ
и мертвыхъ.

Bellevue 1929.

МИНОНОСЕЦЪ

(Поэма)

Посв. Ю. Е. Штуцеръ.

Pourrait-on dire encore ainsi qu'aux temps anciens:
„Honny soit qui mal y pense"?

(Тютчевъ).

1.

Двухъ древностей истокъ соленый:
Соль слезъ и соль воды морской.
Стихіи искони бездонны,
— Два моря горечи одной.

Влажноидущій изъ столѣтій
Туманъ Бриттаніи, — обманъ:
Есть сухость глазъ, и сухость рѣчи,
И сухость сути англичанъ.

Великолѣпье фарисейства
И лицемѣрье бритыхъ лицъ.

Вамъ, первый лордъ адмиралтейства,
— Лицо страны — въ лицо Вамъ стихъ:

Внѣ непреложностей законовъ,
Внѣ непреклонностей вѣсовъ
Неписанный и невѣсомый
Есть кодексъ чести моряковъ.

По всѣмъ широтамъ шири моря,
По всѣмъ дорогамъ безъ столбовъ
Идетъ волна, и волны вторятъ,
— Кратчайшій стихъ, кратчайшій зовъ.

Крикъ захлебнувшихся. Придушенъ
Вздохъ глубочайшій — S.O.S. —
Призывъ: «Спасите наши души».
Кратчайшій стихъ, кратчайшій всплескъ.

Законъ призыва и отвѣта. —
— Здѣсь говоритъ морская честь,
Все море чести (— свѣтъ отъ свѣта! —)
Короткое морское «ЕСТЬ!»

— Соль. Сухость сухости разрушу, —
— Всезатопляющій отвѣтъ.
Есть: — морю, воздуху и сушѣ,
Есть: — этотъ стихъ Тебѣ поэтъ.

[Плескъ нестихающей стихіи,
Блескъ сѣдины сѣдыхъ валовъ.
Межъ нами море, но морскія
Не знаютъ души береговъ.

Твою песчаную пустыню
Слезами моря затопилъ. —
— Пей! — Эта соль наполовину:
— Моя — Твоя. — Здѣсь нѣкто слилъ

Двѣ бездны искони бездонныхъ,
Два моря синевы одной,
Двѣ горечи равнó соленыхъ:
— Соль слезъ и соль воды морской.

Внимая голосу усопшихъ,
Я говорю Тебѣ: «Прости.
Не встрѣтимся, — и не возропщемъ:
Единый путь: не по пути.]

Итакъ сигналъ международный
На морѣ, небѣ и землѣ;
Сигналъ англійскихъ мореходовъ
И на англійскомъ языкѣ.

2.

Минуя годъ, число и мѣсяцъ, —
— Рука ль подымется, глаза ль

Осмѣлятся и умъ ли взвѣсить?
По всей землѣ текла печаль.

Поэтъ сказалъ: «года глухіе»,
— Внимайте — говорю живымъ —
Здѣсь былъ конецъ — земли, — Россіи
И добровольцевъ. — Море, Крымъ.

Исходъ. (Такъ льются въ море рѣки, —
— Всей безысходностью шумятъ).
Путемъ, что́ изъ Варяговъ въ Греки
Убѣжище искать въ Царьградъ.

Сонмъ уходящій корабельный.
И вотъ, — послѣдняя корма,
Въ пустынѣ моря безпредѣльной
Мелькнувъ, растаяла, сошла

На нѣтъ.
И встало утро.
И за горами Нѣкто былъ.
Шептали: «Можетъ быть вернуться»...
Вдругъ кто-то крикнулъ: «Въ морѣ дымъ!»

3.

Броней и флагомъ — крестоносецъ,
Какъ выстрѣлъ вымпелъ высоко,
— Весь въ сѣрыхъ блескахъ миноносецъ,
Весь въ бѣлыхъ плескахъ принесло

Часть территоріи англійской,
Сынъ государства-корабля,
Правъ несомнѣнный охранитель,
(Наивѣрнѣйшая земля

Для погибающихъ на сушѣ!)
Въ дымъ облеченная мечта
О мачтахъ всѣхъ судовъ идущихъ,
— Крестъ мачты: знаменье креста. —

Такъ былъ онъ трижды крестоносцемъ,
(Броня, крестъ мачты, флага крестъ),
Во всемъ величьи миноносномъ
Одинъ, какъ Богъ, одинъ, какъ перстъ.

— Перстъ Божій. — Вѣрности союзной
Стальной, нетонущій залогъ,
Пѣнъ возмутитель многотрубный
Стальными крыльями винтовъ.

Предупреждая всѣ призывы,
Опережая глазъ и взглядъ,
Влекомая двойнымъ приливомъ,
(— Надежды, — моря) ужъ неслась

Коль по англійски: Ship-Boat, — шлюпка,
— Всхлипъ плеска хлюпающихъ волнъ,
Коль русскимъ словомъ: душегубка.
Ну, словомъ — лодка, словомъ — челнъ

Надеждъ на черной зыби Понта,
На мертвой зыби. — Зыбь: — Атлантъ.
Вздохъ груди — эхо Ахеронта.
Душъ перевозчикъ: лейтенантъ.

Мундиръ? Навѣрно, — черносиній,
На рукавѣ златая вязь.
Но, если возвратимся къ чину
И къ слову; — существуетъ связь

Межъ королемъ и лейтенантомъ,
Прямая связь, минуя всѣ
Запутанности аксельбантовъ
На адъютантовомъ плечѣ.

— Такъ: лейтенантъ — держащій мѣсто,
Теперь пусть говорятъ слова:
— По чину: — службы королевской,
— Держащій мѣсто: — короля.

4.

— «Приказъ: Я посланъ за такой-то». —
И онъ фамилію назвалъ.
— «Да насъ здѣсь сорокъ душъ, постойте»... —
— «Долгъ. Дисциплина. Адмиралъ». —

Но переводчикъ, *) дрогнувъ бровью:
— Позвольте. . .» —

Лейтенантъ: «Скорѣй,
Приказъ», и подавившись ложью:
«Да, также женщинъ и дѣтей» —

— А этимъ что-же, — оставаться?» —
Былъ взглядъ, но не было лица.

— «Мущины? — Можете сражаться
Вплоть до побѣднаго конца» —
БѢДА — ПОБѢДА — зазвучали

Слова. Умолкъ.

— Единый вздрогъ,
Единый взлетъ ладоней. — Взяли
Всѣ, какъ одинъ, подъ козырекъ

И отошли.

А за горою,
Казалось, дико скрежеталъ
И въ скалы бился головою,
И путь искалъ себѣ шайтанъ.

*) Переводчица.

Тонъ лейтенанта перемѣнчивъ
(Все! что отъ моря перенялъ)
— «Что до дѣтей и что до женщинъ,
— Я опрометчиво сказалъ»...

Но видно было очень трудно,
— Какой придумаешь отвѣтъ?
«Я прикажу сигналить! Съ судна
Отвѣтятъ: брать васъ или нѣтъ». —

Не взяли ни дѣтей, ни женщинъ.
Да просто лейтенантъ солгалъ.
— Языкъ предательски измѣнчивъ:
Долгъ. Дисциплина. Адмиралъ...

Что-жъ, можетъ быть, морская пѣна
На мигъ смочила сухость глазъ?
Но благородство джентельмена
Пресѣклось скоро.

— Былъ: Приказъ.

Приказъ! о, сухость глазъ англійскихъ.
Законъ: — великолѣпный щитъ.
Я знаю, въ Англіи для нищихъ:
Одинъ законъ — не смѣть просить.

Иныя имена я помню,
Другіе берега встаютъ.
— Въ бояхъ огромленный, огромный
Корабль. Чужое море, югъ,

И флага Крестъ на мачтѣ синій.
Что: судно или лазаретъ?
— Землетрясеніе. Мессина.
И «Слава». Большей славы нѣтъ.
Высшей

5.

Всѣмъ, кто остался, всѣмъ забытымъ
Ты, море, стихъ и честь снесешь.
Стой, миноносецъ, въ бой открытый
Съ тобой вступаю — не уйдешь.

Тогда: призывъ, а нынче: вызовъ,
Тогда былъ: вздохъ, а нынче: стихъ,
Какъ камень изъ пращи Давида,
— Нѣтъ: залпъ всѣхъ залповъ бортовыхъ,

— Ударъ, — ему же вторятъ гро́мы
И волны всѣхъ морскихъ зыбей.

Всѣ корабли зову на помощь,
Всѣхъ моряковъ со всѣхъ морей.

— Вамъ не уйти, — въ какія земли?
Со мной въ союзахъ всѣ моря.
Тѣлъ вашихъ море не пріемлетъ,
А трупы изрыгнетъ земля

И со скрижалей Вѣчной Жизни
Богъ ваши сгладитъ имена,
И въ день незнаемый, — и ближній
И дальній, — не для васъ труба

Надъ безднами могилъ отверстыхъ,
Какъ Откровеніе рѣчетъ,
Вострубитъ Воскресенье мертвыхъ.
— Бездушнымъ душамъ жизни нѣтъ.

Bellevue 1929.

ЭЛЬДОРАДО

I

Эльдорадо: страна заходящаго солнца,
Золотой лихорадки безумья ознобъ.
Эльдорадо: загаръ на лицѣ незнакомца,
Сверху до низу шпагой разсѣченный лобъ.
Конквистадорамъ вѣдомо страшное имя.
Кости путь указуютъ, — тамъ нѣту дорóгъ,
Безъ конца и безъ края золотая пустыня,
— Металлическій отблескъ, — песокъ и песокъ.

Сушь пустыни, — пустое ристалище смерти,
Золотое кладбище испанскихъ солдатъ.
— Черепа, это — клады, въ стволахъ пистолетовъ
Порохъ злáто зернистый, — въ сто унцій зарядъ.

Въ часъ, когда опускается солнце и городъ
— Городъ мертвыхъ и óкна въ немъ алымъ горятъ,
— Выходи и иди черезъ рѣки и горы,
— Не дойдешь никогда: Эльдорадо — закатъ.

Bellevue 1929.

II

Свѣтъ печали заката, посѣщающій души,
Когда солнце заходитъ и нисходитъ печаль,
Часъ безсмертья умéршихъ. Сновъ своихъ не нару-
шивъ,
Это — души умершихъ говорятъ намъ: прощай.

Это — выходъ вечерній въ стрáны огненной жизни,
Это — въ горы, на западъ одиночества путь
По руинамъ заката.
Въ горы новой отчизны
Эхомъ голоса мертвыхъ закаты зовутъ.

Bellevue 1929.

III

Есть часъ, когда стихаютъ вѣтры,
И въ этотъ часъ встаютъ въ тиши
Печали храмины пресвѣтлой,
— Той — храмины — моей души.

О пурпуръ древности.
Пенатамъ
Души моей горитъ алтарь
Языческій.
Печаль заката —
Моя предсмертная печаль.

Allemont 1929.

ИЗЪ ПЕРВОЙ КНИГИ ЦАРСТВЪ

(Отрывокъ)

«Персть перстовъ моихъ на стру́ны возлагаю я,
«Прахомъ устъ моихъ пою Тебѣ псалмы.
Искушалъ Господь царя Израиля;
Были двое въ горницѣ они.

«Ты мнѣ — щитъ, стрѣлы ли убоюся я,
«Тетивы ль звѣнящей въ темнотѣ?
— Такъ игралъ Давидъ на струнахъ гусельныхъ,
А Саулъ игралъ копьемъ въ рукѣ.

И склонившись бѣлокурымъ теменемъ,
И руномъ волосъ своихъ касаясь струнъ:

«Поразишь враговъ моихъ разсѣяньемъ,
«Омрачишь безуміемъ ихъ умъ.

Взмахъ копья Саулова (не трусъ ли я? —
— Пригвожду копьемъ его къ стѣнѣ).

Взмахъ руки Давидовой надъ гуслями:
«Слави Господа душа моя во вѣкъ.

«Возлаголь, гортань, — играй, струна, пѣснь новую,
«Какъ моря покрыли очи египтянъ. . .
Задрожали стѣны горницы кедровыя.
— Это Богъ отвелъ ударъ копья.

Затаилъ Давидъ въ груди дыханіе,
Но стряхнувши волосы съ очей:
«Аллилуіа въ кvмвалахъ восклицанія, *)
«Аллилуіа надъ волнами морей.*)

И бѣжалъ Давидъ изъ дома царскаго,
И искалъ убить его Саулъ.

Allemont 1929.
Allemont 1932.

* *
*

1.

Во Франціи — и въ мірѣ — иностранецъ
Средь чащи стрѣльчатой готическихъ церквей,
— Отъ реберъ каменныхъ я отторгаю камень,
— Выкрадываю часъ, обманываю день:

На солнечныхъ часахъ въ часъ лунный
Я на три года возвращаю тѣнь.
У сплава вѣчности гудящаго глагола
Изъ устъ отверстыхъ сихъ колоколовъ

---

*) Аллилуіа — слава Тебѣ, Боже.

Я вырываю трепетное слово:
— Изъ мѣдныхъ устъ одинъ изъ языковъ.

Семнадцать лѣтъ: я баккалавръ и школьникъ.
И съ женщиной и съ музою на «Вы».

Украденъ часъ у горной колокольни,
Я разминулся съ временемъ въ ночи.

2.

Надъ бѣлизной листовъ моихъ настольныхъ
Замедленъ часъ въ торжественной ночи,
Украденъ часъ у горной колокольни:
Я разминулся съ временемъ въ пути.

Чернь дней моихъ я выбѣлилъ слезами
Ночей моихъ, и, вспомнивъ дѣтскій стихъ,
Какъ царь концы, я облетѣлъ гонцами
Все царство памяти въ единый мигъ.

Я перечелъ непосланныя письма,
Сожженныя на пламени свѣчи,
Твердь датъ установилъ — несчитанныя въ числахъ
Дней, мѣсяцевъ, годовъ — онѣ нашлись

Въ архивахъ вѣчности.
Такъ, утомившись за день,
Имперію подъ локоть — грудой картъ

Наполеонъ читалъ свои тетради,
Которыя когда-то Бонапартъ
Писалъ подъ сводами Бріенской школы.

Allemont. 5 авг. 1929.

РОССІЯ

Непреднамѣренна напѣвность:
— Деревня, дерево и древность.

1.

Россія — изъ окна вагона...
Который годъ и сколько лѣтъ?
Послѣдній годъ царя на тронѣ,
Хлѣбовъ въ печи, — мнѣ восемь лѣтъ.

Тогда я въ первый разъ — отъ моря
До моря, съ сѣвера на югъ,
Отъ бѣлой ночи Дикимъ Полемъ
Туда, гдѣ на горахъ растутъ,

Что надъ мамаевой могилой
И дубъ, и лавръ, и кипарисъ; —
Послѣдній мысъ -- конецъ Россіи
— Дороги въ море разошлись.

2.

Но не о башняхъ генуэзскихъ,
Не о понтійскихъ табунахъ,
Не объ украинскихъ черешняхъ.
Не о безбрежныхъ ковыляхъ. . .

Такъ, вспоминай, колоколами
Лѣсныхъ часовень — Китежъ грянь! —
Потопленныхъ: Я тверитянинъ,
Отъ твердой кости тверитянъ.

Да, камень рифма къ тверитянинъ,
И Тверь горда своимъ гербомъ:
На шапкѣ крестъ твердо поставленъ
И твёрдъ подъ шапкой княжій столъ.

Татарской чести не искали,
И русскимъ срамомъ не черны.
— Здорово, княже! — подъ досками,
Подъ каблуками татарвы.

— Князья! о васъ не канетъ память,
— Архангелъ вашъ — Архистратигъ.
Тверской, Черниговскій: — два князя
Землѣ,
А Богу: — два святыхъ.

3.

Есть Весь, что на рѣкѣ Егони, —
Здѣсь славянинъ, и мерь, и чудь,
И финскій ножъ въ карельской крови,
Татарскій матъ и русскій рубль.

Эй! не жалѣй кумашной кро́ви,
Пей до пьяна! И нѣтъ грѣха,
Когда какой-нибудь разбойникъ
Въ усадьбу пуститъ пѣтуха.

Не тронь церквей — народъ крещеный,
Такъ вы и рады безъ креста? —
И что́ вамъ красныя знамена,
Когда рубашка кумача!

Но есть еще въ лѣсахъ курганы
И есть часовенка въ бору,
И сколько звона въ звукѣ Звана —
Рѣкѣ червонной ввечеру.

Когда въ курганъ мое дворянство,
Какъ нѣкій кладъ, я схороню,
— Вернусь, но гордый оборванецъ:
— Землѣ, — не людямъ поклонюсь.

И по землѣ, какъ можно мягче...
Окликнуть: «Что́ ты?» Обернусь. —
«Привычная походка: западъ.
Любилъ тамъ церкви и боюсь

Твердо ступать — въ церквяхъ хоронятъ,
— Тамъ плиты пола — имена,
А здѣсь... ну, понимаешь? — «Понялъ, —
Кладбище». — «Нѣтъ, не такъ, — курганъ».

4.

Привѣтъ курганному дворянству!
Въ курганъ дворянъ. Но нѣкій скифъ
Отвѣтилъ Дарію Гистаспу
На царскій окрикъ: «не бѣжимъ,

— Кочуемъ. Есть у насъ въ ковыльей-
-Кобыльей степи острова:
Курганы, — оскверни могилы
Умершихъ скифовъ, — и тогда

Какъ волки оборотнымъ слѣдомъ —
— Зубъ въ горло гончихъ: «есть душа» —
Такъ мы — кочующей побѣдой.
Кентавры — конницу царя —

Волкъ на собаку — растерзаемъ,
И пёсій слѣдъ твой прослѣдя,

Въ столицѣ Персіи, о Дарій,
Скифъ будетъ ѣсть обѣдъ царя».

Кочую. Нѣтъ за мной погони,
Но честолюбья шпора: честь.
А кони, — есть другіе кони
И волки — оборотни есть.

5.

Девятый годъ стоитъ Россія
Моей заморскою страной...
Что, если стали мы чужими,
Какъ братъ съ сестрой, какъ мужъ съ женой?

Тогда — прощай, — и, — какъ поэты
Гарольдомъ-Байрономъ порой,
Плащъ парусомъ, — весь лёдъ привѣта
Прощальнаго странѣ родной.

И мой корабликъ осмолёный
Слезой моихъ горючихъ смолъ,
И мой корабликъ облеченый
Въ одежды волнъ — надежды чёлнъ —

Армады парусовъ подъемлетъ,
Громады дна страстей, снастей

Послѣдній вздохъ. — Въ иныя земли
По безземелію морей!

Чтó если камень я не сдвину, —
Столбъ пограничный рубежей?
Но всѣ чужбины за равнину
Угрюмой родины моей.

Августъ 1929.

АВГУСТЪ

Объ императорѣ и мѣсяцѣ.
Посв. Кн. Волконскому.

Запечатлѣнъ въ небесномъ альманахѣ,
Напоминающемъ о смерти сей землѣ,
Въ календаряхъ республикъ и монархій
Проходишь ты въ пурпуровомъ плащѣ.

Торжественно-предшествующій Юлій
Дни накалилъ для зрѣлости твоей.
Въ сихъ томностяхъ деревъ тяжелый пурпуръ
Плодовъ Октавіана.
И плебей —
Лѣсной орѣхъ желтѣетъ отъ досады,
— Краснѣютъ яблоками римлянки садовъ,

— Зеленой тоги возгордясь нарядомъ,
Патрицій-тополь не несетъ плодовъ.

Деревьевъ украшаются храмины
И храмы пурпуромъ въ имперіи садовъ
И въ словѣ Августъ нѣту мѣди Рима,
Но римскій миръ и тишина боговъ.

Плащъ Августа, сей пурпуръ на закатѣ, —
— Синь неба льнетъ къ пурпурову плечу.
Такъ тридцать дней и римскій императоръ
И лѣтній мѣсяцъ царствуютъ въ году.

Ты ищешь памяти и славы у потомковъ, —
Но канетъ память, слава — трубный вздохъ.
Есть тридцать дней подъ августѣйшимъ солнцемъ,
— То память Августа въ имперіи орловъ.

Allemont. Августъ 1929.

РИМСКІЯ ДОРОГИ

Посв. Кн. Волконскому.

Я возлюбилъ пенатовъ и пороги —
Весь Римъ стоящій въ храмахъ и богахъ.
— Есть Римъ идущій: римскія дороги,
Гдѣ каждый камень — память о шагахъ.

Солжетъ ли прахъ пословицы квиритовъ?
Дороги римскія, вы всѣ ведете въ Римъ,
Но есть изъ Рима тысячи коцитовъ
Дымящихъ прахъ, текущихъ пылью миль.

Провинція! — Вы слышите какъ гордо? —
— Словесники, ищите корни словъ.
Въ провинціяхъ теряются дороги,
Миль легіоны и шаги когортъ.

Такъ плавны повороты въ невозвратность,
Вотъ эта линія уходитъ въ никуда. . .

Дороги римской утекающей пріятность
Въ прахъ «нѣкогда» камнями «никогда».

Но пусть сотрутся римскія дороги, —
Прямыя улицы французскихъ деревень
Напомнятъ, что не нравилось когортамъ
Ломать рядовъ прямотекущихъ мѣдь.

Доколѣ въ католическихъ соборахъ
Молитвой христіанская латынь,
Доколѣ помнятъ камни на престолѣ
Архіепископа: есть камень міру:

— Римъ.

Allemont. Сентябрь 1929.

Посв. Н. Я.

* *
*

Я растерялъ высокій счетъ династій
Руинами отторженныхъ камней.
Въ пустыняхъ вѣчности разбросанныя части
Отъ пирамиды памяти моей.

Снопъ тростниковъ египетской колонны
Я развязалъ и выбралъ семь тростей,
Аркадскій воскъ спаялъ стволы зелёны
— Язычницѣ — язычниковъ свирѣль.

Я крикну: Римъ, — Вамъ слышится Эллада,
Архипелагъ, послѣдній островъ Критъ.
Гори копье Акропольской Паллады,
Перстъ вѣчности — Египетъ, обелискъ.

Allemont 24 сентября 1929.

СІОНЪ И СИНАЙ

Allemont, Bellevue, La Grave, St. Martin,
Bellevue, Allemont 1930—31—32.

Эпиграфъ:

О, память о горахъ Синая и Сіона. . .
Въ плѣну колѣнъ звенѣли имена;
Сидѣлъ народъ на рѣкахъ Вавилона,
— Рѣка воспоминаньями текла.

I

Я полюбилъ альпійскій сѣверъ
Колосья чахлаго овса
Высокихъ странъ гудящій вѣтеръ
Савойи хвойные лѣса.

САВОЙѢ

(Посвященье).

Я возлюбилъ престолы Божьей тверди,
Сіоны зеленѣющихъ холмовъ,
Синáи скалъ высокой горной смерти
И скинію собранья облаковъ,

Твоихъ орловъ державное паренье,
Лѣсовъ Савойи хвойной тишину,
Гремучихъ струй студеное кипѣнье
И горную просторную грозу.

Благословляю грохотъ сердцебьеній,
Соль пота — горечь сладкую устамъ,
Томительную жажду восхожденій, *)
Пронзительную стужу по ночамъ.

Благословенна смертная усталость
Плечей моихъ, и раны смуглыхъ рукъ,
И горная смертельная опасность:
Тотъ камень, обрывающійся вдругъ

Съ рукой моей, какъ эта рифма.

Благословенъ Господь Синая и Сіона
Въ огнѣ пустынь и въ зелени листвы,
На ка́мняхъ памяти завѣта и закона,
На алтаряхъ синайской синевы.

(Посвященье) В. Д.

II

Есть въ царствахъ памяти надгорномъ и подзорномъ
Даль горизонтовъ и пространства странъ.
Пусть этотъ стихъ, какъ голосъ колокольни горной
Въ часъ ангельскій молитвы поселянъ,

---

*) Жажда восхожденій не метафора (какъ жажда славы), но самая реальная жажда, когда пить хочу.

Пронзающимъ мечемъ архистратига, —
— Лучемъ въ часъ вечера темнѣющихъ долинъ,
Когда объята пламенами книга
Снѣговъ, достигнетъ высоты вершинъ
Души Твоей.

Къ Сіонамъ памяти Твоей вѣчнозеленымъ
— Библейскою свирѣлью пастуховъ,
Въ Синай души Твоей слезами опалённой
— Рыданіемъ Давидовыхъ псалмовъ.

(Посвященье) В. Д.

III

Высокихъ странъ покой
Въ просторахъ вечера,
Струны высокій строй
Въ сѣдинахъ сѣвера —

Тебѣ — мнѣ милая
Смуглянка гордая,
Неутомимая,
Трепетноноздрая,

Въ глубокій часъ ночной
Рѣсницъ потупленныхъ, —

Я безпощадный Твой,
Я Твой возлюбленный.

IV

ЦИРКЪ КОПІЙ АЛЛЕМОНА

Я принялъ иго восхожденья.
Звенѣлъ подкованный сапогъ,
Вдоль горла звонкій токъ артерій
Гортани освѣжить не могъ.

Долины югъ на хвойный сѣверъ
Мнѣ обмѣнила вертикаль
И обманула: сухость прерій
Я самъ смѣнилъ на сухость скалъ.

Сталъ воздухъ рѣдче, рѣзче, чище.
Послѣдній шагъ и — перевалъ —
И я живой надъ мертвымъ циркомъ
Окаменѣлъ. — Я созерцалъ

Въ прозрачномъ сумракѣ драконовъ
Уснувшихъ древніе хребты,
Руины каменныхъ Дагоновъ,
Ваалы скалъ, а съ высоты

Скрижаль разбитая закона,
Два серафическихъ крыла
— Копье Большое Аллемона
Зіяло щелью на меня.
(трещиной жерла.)

Библейскій страхъ! — земля пророчествъ —
Библейскій страхъ хранитъ гранитъ,
Порфиръ *) великихъ одиночествъ,
Нагой и острый доломитъ.

Великій заговоръ молчанья
Лбовъ сдвинутыхъ. Титаны лицъ.
Въ глубинахъ утра, въ часъ созданья
Основой міра горный циркъ

Камней зеленыхъ, красныхъ, рыжихъ —
— Порфиръ, гранитъ и доломитъ —
Позналъ въ туманахъ утро жизни.
Библейской книги первый стихъ,

— Стихъ Бытія, основа, лоно.
И дрогнулъ воздухъ предо мной:
Страхъ въ циркѣ Копій Аллемона,
Живаго Бога страхъ живой.

---

*) Порфиръ именительный падежъ ед. числа, а не родительн. множественнаго, не ткань, а каменная порода.

Я узнавалъ Твои сѣдины
Сквозь водопадныя струи,
Я звѣздной ночью крикнулъ Имя
И развѣ строй моей струны,

Строй человѣчій славу Божью,
Мѣняя оды на псалмы,
Не рокоталъ? и тяжкій ложью
Въ устахъ языческій языкъ

Мой не творилъ молитвы,
Когда глаза встрѣчали крестъ,
А Божій громъ, какъ голосъ битвы,
Стократъ въ горахъ гремѣлъ окрестъ?

Страхъ первобытный въ циркѣ смерти,
Страхъ первозданный обиталъ.
Душой безсмертной, смертнымъ сердцемъ
Я одиночество позналъ.

Бѣжалъ — страхъ цирка за спиною —
Бѣжалъ, застигнутый врасплохъ
Сухою горною грозою.
Гроза въ горахъ страшна какъ Богъ.

Скользитъ нога о грань порфира,
Дорога: выпитый потокъ. . .
И Богъ до сотворенья міра
Былъ безъисходно одинокъ.

V

В. Д.

ГОРНЫЙ ДОМЪ

Надъ хвойной областью иглы,
Въ странѣ заоблачной дремоты,
Гдѣ воздухъ горной высоты
Объемлетъ сонныя высо́ты,

Гдѣ крайній сѣверъ въ небесахъ,
Гдѣ ночью леденѣютъ росы,
Гдѣ обрываются луга
И надвигаются утёсы,

Гдѣ шестисвистомъ плачетъ сталь
Свистка предсмертно-одинокихъ,
Въ поляхъ высокихъ горныхъ странъ,
Въ камняхъ великихъ одиночествъ

Мы отыскали горный домъ.

VI

В. Д.

ГОРНОЕ УТРО

Шатрами гордости,
Снѣгами нѣжности

Часъ горной бодрости,
Часъ горной свѣжести

Течетъ долинами,
Струясь прохладами,
Клубясь сѣдинами
Надъ водопадами.

Долины синія,
Туманы бѣлые,
Снѣга, какъ скиніи —
— Дерзайте, смѣлые! —

Сонъ смутный утренній,
Глаза голублены
Руками смуглыми
Моей возлюбленной.

И сны и волосы
Мы ночью спутали.
— Вставай ка, молодость,
Въ угоду юности.

Любовь — до завтрего,
Стихи — до вечера,
Мы нынче празднуемъ
Снѣга и глетчеры.

Мы нынче равные,
Одеждой схожіе,

И горной славою
И смуглой кожею.

Къ тревогѣ глазъ Твоихъ
Я сталъ безжалостнымъ
Въ шелкахъ опасности,
Въ ремняхъ усталости.

Дыханью гордости
Легко надъ безднами
Въ часъ горной бодрости,
Въ часъ горной свѣжести.

Скалъ искушенія,
Безплодность райская...
Пѣснь восхожденія,
Стихи синайскіе.

VIII

В. Д.

ГОРНОЕ УТРО

О смуглой смѣлости,
О смертной близости
Въ день горной сѣрости,
Въ день горной сырости.

Тропой отважности
Въ глушь горной сѣрости,
Съ кудрями влажными
Въ сѣдины древности.

Туманамъ вѣчности,
Дыханью древности
Живое встрѣчное
Дыханье смѣлости.

IX

Посв. Маргаритѣ Б.

МОИСЕЙ

1.

Гора Синай.

Былъ пляски плескъ, былъ бубна гулъ томящій,
Звенящій, повелительный въ ушáхъ...
Такъ стонетъ кровь, чѣмъ сердце бьется чаще,
Тѣмъ слаще падаетъ и замираетъ въ тактъ

Послѣднему удару бубна.

Нагая дань язычеству: Израиль
У ногъ твоихъ блаженствовалъ прельщенъ.
Съ синѣющихъ вершинъ туманнаго Синая
Ты видѣлъ зеленѣющій Сіонъ.

Былъ шуменъ бубна гулъ, но пѣли серафимы
Про рокотъ трубъ, стѣнъ Іерихона срамъ.
Была твоя слеза — вся соль Іерусалима,
Скрижали на рукахъ — весь Соломоновъ храмъ.

1930.

X

Посв. моей матери.

ДРАКОНЪ

Направо — Рогъ Большой Доменеона,
Налѣво — Пикъ Мадонны всѣхъ Мадоннъ.
Я былъ одинъ. Снѣга, снѣга по склонамъ. . .
Былъ утра часъ, былъ утра смутный сонъ.

Зубцы хребтовъ у ногъ моихъ торчали,
Туманности свивалися въ узлы,
Клубилися драконныя спирали:
Творился міръ изъ первозданной мглы.

Пучины чрева, оголенность лона,
Пещеры нѣдръ, дыханья дымъ — струи,
Но въ хлябяхъ твердъ скалистый кряжъ дракона,
Тверды зубцы, щиты и чешуи.

По лапамъ — пращуръ ящера природный,
Крылами — птица, кольцами — змѣя;
Чудовищемъ крылатымъ земноводнымъ
Драконъ сгущенъ из мглы небытія.

Пучины утра: синіе туманы;
Надъ мглой зыбей — незыблемость хребтовъ.
Стоялъ одинъ я. Каменныя страны,
Синайскія пустыни облаковъ.

«Замыслимъ птицъ мы изъ породы гадовъ,
«Замыслимъ гадовъ изъ породы птицъ...
И Синій Духъ въ дымящихся громадахъ
Прожегъ мой взоръ до нѣдръ моихъ глазницъ.
(зѣницъ)

Творенья день свершался предо мною,
Четырехдневная цвѣла уже земля.
И встало утро дымною грядою,
— Сѣдое утро Книги Бытія.

«Тварь сотворимъ — крылатаго дракона,
«Огня, воды, пещеръ воздушный змій.
Хребетъ! Пучины разомкнули лоно,
Я видѣлъ сына четырехъ стихій. . .

Стоялъ одинъ я: каменныя страны,
Синайскія пустыни облаковъ,
Пучины утра — синіе туманы,
Надъ мглой зыбей — незыблемость хребтовъ.

Змѣиныхъ рѣкъ извилистое лоно
И древнихъ горъ зубчатые хребты:
На ликъ земли положенъ знакъ дракона,
Чудовищной — зловѣщей — красоты.

Bellevue. Янв. 1932

XI

Посв. Маргаритѣ Б.

МОИСЕЙ

Гора Нево

«Я дамъ Тебѣ увидѣть ее глазами Твоими
но въ нее Ты не войдешь».

„O, Seigneur, j'ai vecu puissant et solitaire.
Laissez moi m'endormir du sommeil de la terre.

Alf. de Vigny „Moïse".

Весь горизонтъ былъ солнца свѣтъ вечернiй,
И въ пламенахъ священныхъ догоралъ,
Какъ жертвенникъ. Крутились своды тверди,
Послѣднiй вечеръ жизни наступалъ.

И въ солнцѣ запада была ему съ вершины
Земля обѣтова́нная видна:
Синь ханаанская, маслины Палестины:
Зелёная, священная страна.

«Уста мои исполнены полыни.
«Въ пучинахъ одиночества — одинъ —
«Васъ велъ пророкъ сквозь сушь песковъ пустыни,
«Теперь васъ поведет Навинъ.

«Пучины Чермныя, разъяты, трепетали
«И, рухнувъ вспять смыкалися опять;
«Сухія ска́лы во́ды источали;
«Я въ небесахъ, какъ въ свиткѣ, могъ читать

«По звѣздамъ путь. Пучины и пустыни
«Сухихъ зыбей, — холмы изъ края въ край. . .
«Но былъ одинъ — скалистый, горный, синій,
— «Скрижаль Завѣта — каменный Синай.

«И кожей смуглъ и тѣломъ нагъ Израиль
«Плясалъ, когда я Богу предстоялъ,
«И вздохъ живый дыханья Адана́и
«Мои сѣдины тихо колыхалъ.

«Духъ одино́къ, но вашъ я, — кровь отъ кро́ви,
«Жестоковыйность вашу изучилъ:
«Глаза невѣрящіе, поднятыя бро́ви,
«Упрямство спинъ, затылковъ, скулъ и жилъ.

«Такъ вотъ она, — земля Ерусалима!
«Смугла она, а въ пальмахъ зелена́.
«Отъ Господа любима и хранима,
«Блаженная, священная страна.

«Идите жъ въ филистимскія дубравы,
«Въ долины кедровъ, лавровъ и маслинъ
«Стадами жадными, — для дѣла бранной славы
«Довольно воина: васъ поведетъ Навинъ.

Терновника горящаго кольцо;
Жизнь: три горы; отходитъ духъ къ отчизнѣ.
Аданай дохнулъ ему въ лицо,
И ангелы раскрыли книгу жизни.

Bellevue-Allemont. 1932.

Примѣчанія къ поэмѣ «Моисей».

Три горы: Исх. 3 1-2.

«... Однажды провелъ онъ стадо далеко въ пустыню, и пришелъ къ горѣ Божіей Хориву, 2) И явился ему Ангелъ Господень въ пламени огня изъ среды терноваго куста. И увидѣлъ онъ, что терновый кустъ горитъ огнемъ, но кустъ не сгораетъ» —

Исх. 19 16-20.

16) «На третій день (пребыванія Израиля въ пустынѣ Синайской), при наступленіи утра, были громы, и молніи, и густое облако надъ горою, и трубный звукъ весьма сильный, и встрепеталъ весь народъ, бывшій въ станѣ.

17) И вывелъ Моисей народъ изъ стана въ срѣтеніе Богу, и стали у подошвы горы.

18) Гора же Синай вся дымилась оттого что Господь сошелъ на нее въ огнѣ; и восходилъ отъ нея дымъ, какъ дымъ изъ печи, и вся гора сильно колебалась.

19) И звукъ трубный становился сильнѣе и сильнѣе. Моисей говорилъ и Богъ отвѣчалъ ему голосомъ.

20) И сошелъ Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвалъ Господь Моисея на вершину горы, и взошелъ Моисей».

Исх. 33 : —17 — 23; 34 : —4-5.

17) «И сказалъ Господь Моисею : и то, о чемъ ты говорилъ, Я сдѣлаю; потому что ты пріобрѣлъ благоволеніе въ очахъ Моихъ, и Я знаю тебя по имени.

18) Моисей сказалъ: покажи мнѣ славу Твою.

19) И сказалъ Господь: Я проведу предъ тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Іеговы предъ тобою; и, кого помиловать помилую, кого пожалѣть, пожалѣю.

20) И потомъ сказалъ Онъ: лица Моего не можно тебѣ увидѣть; потому что человѣкъ не можетъ увидѣть Меня и остаться въ живыхъ.

21) И сказалъ Господь: вотъ мѣсто у Меня: стань на этой скалѣ.

22) Когда же будетъ проходить слава Моя, Я поставлю тебя въ расзѣлинѣ скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколѣ не пройду.

23) И когда сниму руку, ты увидишь Меня сзади, а лице мое не будетъ видимо».

24) «И вытесалъ Моисей двѣ скрижали каменныя, подобныя прежнимъ, и, вставъ рано по утру, взошелъ на гору Синей, какъ повелѣлъ ему Господь; и взялъ въ руки свои двѣ скрижали каменныя.

25) «И сошелъ Господь въ облакѣ, и остановился тамъ близь него, и провозгласилъ имя Іеговы».

Втор. 34. 1 —

«И взошелъ Моисей съ равнинъ моавитскихъ на гору Н е в о, на вершину Фасги, что противъ Іерихона».

Три горы: **Хоривъ, Синай, Нево.**

Посв. Маргаритѣ Б.

* *
*

Прощайте, горы, въ часъ заката
Я ваши страны покидалъ.

Послѣдній день. Былъ вечеръ, часъ послѣдній.
Снѣговъ вершинъ пылали пламена.
Мы разставались въ часъ великой тѣни,
Я уходилъ съ послѣднимъ часомъ дня.

Скалистыя высоко пламенѣли
Вершины алтарей, но мгла взошла.
Савойя — хвоя! — прошумѣли ели. . .
И горная вечерня отошла.

Лишь въ небесахъ, дочитывая книгу,
Пронзая свитки потемнѣвшихъ тучъ,
Надъ дымами долинъ, какъ взоръ Архистратига,
Какъ мечъ его — послѣдній солнца лучъ.

Bellevue 1929.

БЕЛЛАДОННА [1]

Альпійская поэма [2]

Посв. L. Xavier Drevet.

Посвященіе

Въ ночи, изъ странъ моихъ безсонныхъ,
Въ странахъ иныхъ услышь мой стихъ,
Внемли, Владычица Мадонна,
Глаголамъ устъ моихъ живыхъ.

Услышь псалтирь моей печали,
Глубинъ отчаянья псаломъ,
Ты, прозирающая дали
Міровъ иныхъ мечомъ-лучомъ

Очей безплотныхъ и нетлѣнныхъ.
Въ безсмертный слухъ — мой смертный стихъ —
Прими. Колѣнопреклоненный,
Склонясь на сталь роговъ кривыхъ

Собрата смѣлыхъ восхожденій,
— Топорика альпійскихъ горъ, —

---

1) Названіе горной цѣпи подъ Греноблемъ въ Дофинейскихъ Альпахъ.

2) Первоначальное названіе поэмы «Поэма пика Мадонны и трехъ альпинистовъ».

Чту. Да очистятъ соль моленій
Святой Бернардъ [3]) и Христофоръ [4]).

Тамъ лучъ луны читаетъ руны,
Тамъ горный духъ трубитъ въ рога.
Во всей подсолнечной, подлунной
Чту область ту, гдѣ облака,

Вѣтра, луга, снѣга, туманы,
Твердыни скалъ, державы водъ,
Просторы и пространства, страны
И горизонтъ, и небосводъ —

Все — горное, — какъ въ мірѣ сущемъ,
Все — тлѣнное, — какъ въ мірѣ томъ
— Безсмертное. . .

---

3) Побѣдитель демона (Юпитера-Истукана), податель помощи путникамъ, надежда угнетенныхъ, честь отчизны. Святой Бернардъ Мантонскій данъ Римомъ въ покровительство альпинистамъ ко дню празднованія тысячелѣтія со дня его рожденія въ 1923 г. Надпись на медали св. Бернарда:

«Кто взглянетъ на изображеніе св. Бернарда утромъ, будетъ цѣлъ ввечеру».

4) Св. Христофоръ чтимъ въ православіи какъ и въ католичествѣ. Часто изображается съ песьей головой.

Въ руинахъ первозданныхъ зодчествъ,
Въ пространствахъ каменной страны
Снѣга безмолвныхъ одиночествъ
Полны суровой тишины.

Надъ Циркомъ Копій странъ скалистыхъ,
Надъ зеркалами трехъ озеръ
Пречистая въ снѣгахъ пречистыхъ
Владычица окрестныхъ горъ

Въ громадѣ каменной десницы
Хранитъ гранитнаго Христа:
— Птицъ высочайшій пикъ двулицый,
— Вершина горнаго хребта.

Склонъ монолита къ монолиту.
Въ порфирахъ каменныхъ породъ
— Щека къ щекѣ: гранитъ къ граниту —
Глядятъ на солнечный восходъ.

Сѣдыхъ тумановъ Божья слава;
Держава — камни и снѣга;
Ликъ Умиленія [5]) двуглавый;
Текутъ, какъ мысли, облака.

---

5) Ликомъ Умиленія наз. иногда иконы, на коихъ Божья Матерь ласкаетъ Младенца.

Мадонны ликъ отображенный
На гладяхъ водъ, и вѣчный ходъ,
Ходъ облаковъ надъ Белладонной
Изъ года въ годъ, изъ года въ годъ.

Исполненъ черною тревогой,
Ломаетъ воздухъ шестисвистъ. 6)
Въ странѣ, гдѣ искушаетъ Бога
Любовникъ смерти — альпинистъ.

Выходятъ въ небо караваны
Взойти подъ Божій небосводъ,
Увидѣть каменныя страны,
Познать величіе высотъ.

Съ тѣхъ поръ,
как подъ хрустальной твердью
Богъ каравановъ слышитъ ходъ,
Здѣсь двое гибнутъ горной смертью
Изъ года въ годъ, изъ года въ годъ.

Внизъ! — обрывая рододендронъ. . . 7)
Внизъ! — съ камнемъ обманувшимъ вѣсъ,

---

6) Шестисвистъ - альпійскій сигналъ бѣдствія.
7) Рододендронъ — альпійская роза. Смолистый лиловый цвѣтокъ. Растетъ кустарникомъ. Циркъ Белладонны славенъ рододендронами на всю округу.

Врозь разрывая жилы, нѣдра, —
Всѣ сокровенности тѣлесъ.

И трупъ всегда неузнаваемъ
Въ сихъ откровенностяхъ нагихъ. . .
По совершеньи страшныхъ таинствъ,
Уходитъ духъ въ страну живыхъ.

Не емлютъ чувства ощущенiй. —
Дикъ умозрительности — сей
Ликъ сущности преображенiй:
Слухъ безъ ушей, взглядъ безъ очей, —

Но въ утвержденьяхъ отрицанiй,
Какъ въ морѣ, тонутъ. Разумъ пустъ,
А стихъ, елико прорицаетъ,
Божественную стройность чувствъ

Находитъ.
Вѣтровъ и отвѣсовъ
— Поэма — мертвыхъ и живыхъ.
Колеблется, дрожитъ завѣса,
Гортань нѣмѣетъ, молкнетъ стихъ.

Изъ книги лѣтописи смерти,
— Играй! — торжественный органъ.
Дыханью ритма — вторьте, вѣтры,
Вторь рифмамъ — эхо горныхъ странъ.

Вечеръ

Съ колоколами колоколенъ
Молитвы ангельской въ горахъ
Плылъ часъ вечерняго покоя.
Лишь на вершинахъ-алтаряхъ

И на снѣгахъ высокихъ скиній
Огонь торжественный пылалъ.
Погружены во мглы и дымы
Долины были. Трехъ зеркалъ

Озеръ подножья Белладонны
Стемнѣло синее стекло.
Мигъ — мнилось въ воздухѣ студеномъ
Вдругъ стало времени крыло.

Замедлилъ вечеръ часъ прихода,
Стволъ свѣта — лучъ — сталъ зримъ очамъ
И воздухъ сводовъ небосвода
Потрясъ органъ высокихъ странъ.

Изъ края въ край, по всей пустынѣ
Пространствъ невидимыхъ міровъ
Труба архангельской латыни
Рекла мірамъ: коль славенъ Богъ.

И свѣтелъ часъ былъ, гласъ былъ строенъ,
Но въ тѣневыхъ своихъ правахъ

Шелъ вечеръ горъ. Ихъ было трое,
Всѣ трое въ первый разъ въ горахъ.

Шли. Встали вдругъ: на перевалѣ
Циркъ начинался изъ подъ ногъ, —
Жерло въ жерлѣ, — провалъ въ провалѣ.
Одинъ сказалъ: «Высоко Богъ
Живетъ».
«Ну, магометовой тропою [8])
Къ любителю высокихъ мѣстъ».
Идутъ и вдругъ надъ головою,
Какъ человѣкъ, чернѣетъ крестъ.

«Двѣ тыщи девятсотъ тринадцать?»
«Да».
«Гдѣ Мадонна?»
«Этотъ пикъ».

«Теперь и чорту не взобраться
На женщину».
«Ой, теменъ ликъ!»
«Который часъ сейчасъ, ребята?»
«Сейчасъ» — сказало эхо — «часъ».

Архистратигова заката
Взоръ дозирающій погасъ.

---

8) Магометова тропа — райскій мостъ мусульманъ. Узостью своей подобенъ мечу.

Властитель головокруженій,
Смутитель смѣлыхъ: томный страхъ:
Великій демонъ искушеній
Живетъ на горныхъ высотахъ.

Тамъ грань послѣдняя гранита,
Тамъ рѣзокъ воздухъ высоты,
Недвижны дали и открыты
Всѣ горизонты высоты.

Довѣрьте руку мнѣ, читатель,
Не пре́зрите изъ высшихъ сферъ;
— Въ дворянствѣ смѣлыхъ родомъ знатенъ:
Высокихъ пиковъ кавалеръ.

Я былъ тамъ. Тамъ четыре бездны
Открыты съ четырехъ сторонъ,
Свистятъ отвѣсы, грозы снѣжны
И страшно близокъ небосклонъ.

Смѣлѣе! — звонкій камень въ руку,
Да такъ, чтобъ хрустнуло плечо,
Съ размаху — внизъ. Внимайте звуку.
Вы слышите? — Еще, еще:

Вотъ раздалось, вотъ отозвалось,
Передалось и весь гудитъ
Просторный коридоръ обваловъ,
Дрожитъ базальтъ, гремитъ гранитъ.

Но тише, тише, глуше, глуше:
Летящій камень ищетъ дна.
Тамъ молкнутъ камни, гибнутъ души.
Дно — тишина и глубина.

«Чортъ! — съ Ледяницей жениxаться
Не пожелаю и ежу.
Кто хочстъ, можетъ оставаться:
Что до меня — я ухожу».

Сумерки

На пикѣ тихо холодало.
Ночная поросль — темнота —
Росла, вставала изъ проваловъ,
И младшій расклеилъ уста.

Въ ногахъ томительная слабость,
Въ глазахъ властительнѣйшій страхъ.
Страхъ горъ и смертная усталость
Въ неразгибаемыхъ плечахъ.

Сказалъ: «не ноги, а колонны
Свинца. Другъ, глянь, гляди, вглядись,
Отроги цирка Белладонны
— Кратчайшая дорога внизъ.

Слышь, водопады шепчутъ лѣсу».
Подползъ и глянулъ въ глубину.

Отрогъ въ отрогъ, отвѣсъ къ отвѣсу
Бѣжали вглубь и вдругъ ему

Привидѣлось: въ глаза очами
Вперился страхъ. — Крикъ —и въ горахъ,
Загрохотавъ дробовиками. 9)
Отроги грянули. Въ рогахъ

Органныхъ эхо перекатовъ,
Зарокоталъ по скаламъ шквалъ:
Отрогъ отрогу слалъ раскаты,
Гранитъ базальту отвѣчалъ.

Смолкала перестрѣлка эха. . .
«Веревку внизъ — сказалъ второй —
Спускаемся». А дробнымъ смѣхомъ
Еще гремѣлъ раскатъ глухой.

Ну, внизъ. — Неловокъ, безъ сноровки
Дрожитъ рука и, какъ о бронь,
Скользитъ нога, пенька веревки —
Огонь, сжигающій ладонь.

Уступъ, и на уступѣ двое,
Чуть треплетъ вѣтеръ волоса,
Дыханью отдыхъ, вздохъ покоя,
Тѣснитъ веревка пояса.

9) Дробовикъ — дробовое ружье.

Меньшóй: «Пытаемъ счастье розно.
Веревку къ чорту». Ножикъ звякъ.
Второй: «Постой!» — «Теперь ужъ поздно:
Смерть на двое, итакъ и такъ».

Подстерегая изъ расщелинъ,
Таясь въ базальтовыхъ камняхъ,
Властитель головокруженій,
Двупалымъ свистомъ горный страхъ

Высвистывалъ сигналъ паденій
И свистомъ мѣрилъ глубину
Обрыва каменныхъ крушеній,
И эхо вторило ему.

Сапожный гвоздь по камню свиснулъ. . .
Повисъ, схватившись за карнизъ,
— Ногой въ провалъ, рукой за выступъ, —
Врастая въ пласть базальта внизъ. . .

И ахнувъ, рухнулъ. Повернулись
Всѣ оси чувствъ: легко, легко
Всѣ чувства душу обманули, —
Циркъ несся прямо на него.

И въ этомъ рухающемъ сводѣ
Эреба каменныхъ небесъ
Великолѣпенъ и безплоденъ
Стремилъ свой неподвижный вѣсъ

Огромный обелискъ базальта.
Живыя жилы ногъ собралъ
И дернулъ страхъ. — Качнулись Альпы:
Онъ перевертываться сталъ.

Крутились своды: сводъ небесный
И каменный альпійскій сводъ.
Сто метровъ чистаго отвѣса,
Послѣдній тѣла оборотъ, —

И грохнулся. Увлекши камни,
Подпрыгнулъ — (мертвый) — рокоча,
Проснулось эхо въ горныхъ замкахъ,
Въ отрогахъ грянули рога.

И — только трупъ окровавленный
Лежалъ расплющенный, какъ плодъ,
Въ бездонномъ циркѣ Белладонны,
Въ гробу любовниковъ высотъ.

Нагъ, обнаженъ отъ мышцъ непрочныхъ,
Одежа кожная въ куски,
Шесть переломовъ позвоночныхъ,
Весь черепъ вышелъ въ черепки.

Ночь

. . . .

. . . .

Крѣпчалъ морозъ альпійской ночи.
Высокъ, пронзителенъ и чистъ
По скаламъ смертныхъ одиночествъ
Шелъ посвистъ, отсвистъ, пересвистъ. . .

То — альпинистъ, живой, безсонный,
Живымъ слалъ бѣдствія сигналъ:
Шелъ хохотъ циркомъ Белладонны,
Росъ грохотъ по отрогамъ скалъ.

Утро

И утро въ сферахъ совершилось.
Весь горный воздухъ задрожалъ.
Какъ синеструйный дымъ кадила,
— Мигъ — ликъ Мадонны заблисталъ.

Се Богъ, въ простраствахъ одинокій,
Взглянулъ изъ странъ небытія. . .
И вспыхнули престолы Копій
Отъ алтаря до алтаря.

И, въ смертный слухъ неуловимы,
Безъ устъ, живымъ дыханьемъ словъ,

Высоко въ небѣ серафимы
Рекли мірамъ: коль славенъ Богъ.

Одинъ въ громадахъ одиночествъ,
Въ крови все дуло отъ свистка,
Кровь на губахъ. Подарокъ ночи:
Повыше лѣваго виска

Есть прядь волосъ, сѣдыхъ, какъ иней,
То страха изморозь прошла.
Глаза — громадныя пустыни —
Прошедшей ночи зеркала.

«Кровь расплещу, хребетъ разрушу.
— Что-жъ, въ день Суда не дрогну трубъ!
Спасу твою живую душу,
Живую душу или трупъ.

Обратно — легкая дорога,
Но только къ ночи будутъ здѣсь
Искатели». И по отрогамъ
Кратчайшій путь избрала честь.

Впиваясь въ щели горныхъ трещинъ,
Врастая въ камни — распростертъ —
Спускался. Руки не трепещутъ,
Веревка держитъ, камень твердъ.

Безсильны силы тяготѣнья:
Столь мощны мышцы смуглыхъ рукъ.

6*

Преодолѣвши страхъ паденья,
Не падаютъ. — Онъ, какъ паукъ,

Какъ ящеръ. — Въ каменныхъ завѣсахъ
Лицомъ въ скалу, спиной въ просторъ.
Да сохранятъ тебя въ отвѣсахъ
Святой Бернардъ и Христофоръ!

Дно. Въ небо отошли отроги.
Господь не выдалъ, страхъ не взялъ.
Четверорукій сталъ двуногимъ;
Всталъ, покачнулся, устоялъ.

Глазами мѣрилъ Цирка стѣны.
Былъ узокъ горный кругозоръ.

. . . .
. . . .

Въѣздъ разомкнувшейся арены:
Востокъ былъ отпертъ на просторъ.

По каменнымъ зыбямъ морены,
Лугами — зыбью травъ живой, —
И хвоей, — мертвой, но нетлѣнной, —
Бѣжалъ. Горѣла подъ ногой

Земля. Дома! — но не жилые. . .
Тропа! — и пропадомъ тропа

Ушла подъ корни неживые...
Глушь. Оступается стопа;

Кругомъ дремучая дремота...
Въ ушахъ ли звонъ? Святой Бернардъ!
Навстрѣчу изъ-за поворота: —
Деревня горная Моллардъ.

Чту бѣлокурую отвагу,
Чту смѣлость смуглую твою.

Въ раскатахъ струнъ угасимъ сагу
Альпійскихъ странъ.

Эпилогъ 9)

Я беденъ: слово у поэта
И снѣдь и сущность естества.
Да будетъ стихъ скалой завѣта
Въ долинахъ братства и родства.

Да будетъ между нами:
— Единый слогъ, единый звукъ,

---

9) Славословіе эпилога родилось не только отъ русскаго слова честь, но и отъ англійскаго **honour** и французскаго **honneur**.

— Безмолвный всплескъ рукоплесканій,
— Полетъ ладоней правыхъ рукъ

Подъ козырекъ. Мильонъ значеній.
— Единый смыслъ (лгутъ словари)
Изъ всевозможныхъ разночтеній
Я выбираю только три:

Пріемлется стократно чисто,
Какъ молотъ по хрустали сферъ,
— Какъ горный громъ, — у альпиниста,
Въ глубинахъ слуховыхъ пещеръ.

У летчика свѣтло и сухо,
Какъ вѣтра свистъ, какъ крыльевъ хрустъ,
Не въ органы — въ орга́ны слуха,
Воздушные органы чувствъ,

И такъ великолѣпно глухо,
Какъ выстрѣлъ съ дальнихъ береговъ,
— Какъ моря всплескъ, — въ отрогахъ слуха
Двухъ раковинъ у моряковъ.

Пока суда подъ вымпелами,
И самолеты о крылахъ,
И сталь рогами-лезвіями
Блеститъ въ альпійскихъ топорахъ.

— Хвала, — доколѣ плещетъ море,
Доколѣ вѣтры въ небесахъ

И громы въ каменныхъ просторахъ,
— Сей голосъ Господа въ горахъ.

Покуда міръ стоитъ подъ Богомъ,
Покуда слава въ трубахъ есть,
Однимъ стальнымъ и строгимъ словомъ,
Сухимъ и свѣтлымъ словомъ: честь.

Въ ночи, изъ странъ моихъ безсонныхъ,
Въ странахъ иныхъ услышь мой стихъ,
Внемли, Владычица Мадонна,
Глаголамъ устъ моихъ живыхъ.

И мнѣ въ мой часъ въ гробу бездонномъ
Лежать, дымясь въ моей крови.
Альпійскихъ странъ, о, Белладонна,
Мой смуглый трупъ благослови.

1929-1930-1931
Аллемонъ-Белльвю — Аллемонъ-Белльвю.

1931 Г.

Часы молитвы стали мнѣ унылы,
И тѣла женскаго не трепетна любовь,
И только стихъ съ давно знакомой силой
Бросаетъ въ щёки вспыхнувшую кровь.

La Grave 1931.

Высокихъ странъ гудящій вѣтеръ рѣзокъ,
Въ снѣгахъ и льдахъ свѣтла печаль моя;
Исполнена вечерняя трапеза;
Познаетъ солнце западъ бытія.

Мадонны Пикъ — колонну сводовъ тверди —
— Я совершу веселый и живой, —
— Иль лучшій листъ изъ книги горной смерти
Я вырву загорѣлою рукой.

Загрохочу по каменнымъ карнизамъ
И рухну въ снѣгъ и лягу въ черный сонъ
На ледникѣ, одѣтый снѣжной ризой,
Морозомъ Альпъ отъ тлѣна сохраненъ.

И вспомнитъ Богъ, какъ я читалъ надъ гробомъ
Одинъ въ ночи, въ грозящей тишинѣ
Безлюдной церкви, голосомъ суровымъ
Псалтири чинъ и было страшно мнѣ.

И вспомнитъ Богъ часъ каменной отваги,
Хребты драконовъ, дремлющихъ окрестъ,
Языческихъ драконовъ горной саги:
Во славу Божію я тамъ поставилъ крестъ!

«Спи плѣнникъ горъ, у ногъ твоей Мадонны.
«Ты въ памяти моей воскреснешь въ утро трубъ,

«Въ скалистомъ циркѣ черной Белладонны
«Неузнаваемый опознанъ будетъ трупъ.

Альпійскихъ странъ гудящій вѣтеръ рѣзокъ.
День совершёнъ. Свѣтла печаль моя.
Исполнена послѣдняя трапеза,
Познало солнце западъ бытія.

(Верхн. Альпы)

La Grave 1931.
Bellevue 1932.

САГА

I. ВАЛГАЛЛА

Эпиграфъ

«То вечеръ былъ великихъ ожиданій».

Шиты къ ногѣ, — на берегу фіорда, —
— Огонь волосъ: пожары городовъ, —
Стояли воины такъ непреклонно гордо,
Стройны, какъ сосны сѣверныхъ лѣсовъ.

Какъ идолы, жрецы окаменѣли;
Какъ сговоръ сонма среброрунныхъ лунъ,
Былъ заговоръ головъ; Чернѣли щели:
Морщины ликовъ: тайнописи рунъ.

Волны волосъ струилися на струны,
— То скальды. — Дума синяя въ очахъ,

И арфы древнія, какъ пѣсня первой руны,
— Подруги женоликія въ рукахъ.

Былъ часъ языческій священнаго заката,
Былъ алый часъ языческихъ временъ.
Холмился валъ прощальнаго раската
Вечернихъ волнъ. Стихало лоно лонъ.

На небесахъ свершалася Валгалла,
— Валгаллы стѣнъ пылали пламена.
— Язычество свой западъ познавало;
— Творилось таинство вечерняго огня.

И пепелище черное заката
Руины странъ небесныхъ погребло...

Челнъ въ морѣ всталъ крылатымъ стратилатомъ,
Челнъ — серафимъ подъемлющій крыло.

II. ПРОПОВѢДНИКЪ

«Блаженны, вы, утёсы мшистой саги,
«Благословенны руны на камняхъ,
«И вы, рыжеволосые варяги,
«И ваши боги въ свѣтлыхъ небесахъ.

«Въ странѣ, гдѣ кедры, пальмы и маслины
«— Вѣчнозеленые, — какъ сосны сихъ лѣсовъ
«— Вѣчношумящихъ, — въ смуглой Палестинѣ,
«Въ ночь тишины родился новый Богъ.

«Изъ синихъ странъ далекой Галилеи,
«Таинственной, какъ синій дымъ кадилъ,
«Торжественной, какъ возгласы іереевъ,
«Онъ вышелъ въ міръ и міръ благословилъ.

«Престолъ Отца — творенья дымъ — туманы,
«Ликъ кротости, ликъ тихости былъ Сынъ. . .
«Се въ царство сѣвера, — въ полунощныя страны
«Приноситъ Царство Духа серафимъ.

«О кротости, о тихости, о Духѣ. . .

Недвижны каменѣли лица скальдовъ,
Какъ лики женскіе на арфахъ ихъ рѣзныхъ,
И струны арфъ звенѣли скальдамъ: — Бальдуръ!
Блаженный Богъ священныхъ странъ весны.

Bellevue-Парижъ
1932 г.
Весна.

ОДА АЛЛА

Посв. Аллѣ Михайловнѣ Томской.

... Ужъ праздникъ празднуя, рожденье торжествуя
И Имя именуя средь пустынь,
Зарокотали волны — аллилуіа *)
Изъ края въ край... и Духъ изрекъ: Аминь.

Ночь Благовѣщенья цвѣтами зацвѣтала
Лиловыми. Звенѣла тишина...
Какъ колоколъ, литое имя — Алла:
Таинственная чаши глубина.

Какъ тайна купола, все небо наполняло
— Въ ночь Благовѣщенья — торжественно до дна

*) Чит. аллилуйя.

Священное и царственное — Алла:
Златая чаша тайнаго вина.

И сколько благороднаго металла
Звенящая слила гортань одна —
— На затаенности дыханья. . . Алла,
Ты, — Богу зазвучавшая струна.

Стихаетъ стихъ въ лиловомъ царствѣ Духа,
И молкнетъ гласъ — здѣсь — звуки, тамъ — лучи.
На камнѣ памяти останется: старуха,
Но имя «Алла» пламенемъ свѣчи
Горитъ у Бога.

Ночь Благовѣщенья Апрѣль 1932.
Bellevue

АВІАТОРЪ

(Поэма)

Bellevue-Allemont
Bellevue-Allemont
1929-1932.

Все, все, что гибелью грозитъ
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья,
— Безсмертья можетъ быть залогъ.

(Пушкинъ. «Пиръ во время чумы»).

Написано въ 1929 и 1930 гг.
Исправлено и дополнено въ 1932 г.

I

АЭРОПЛАНЫ И АЭРОДРОМЫ

1.

Сказанья о крылатыхъ колесницахъ,
Летящія побѣды кораблей.

Двѣ древности, двѣ юности, два мифа,
Двѣ мудрости, двѣ дерзости, скорѣй:

Двѣ безразсудности, но кто же васъ осудитъ?
Двухъ неизбѣжностей кто остановитъ бѣгъ?
Тѣла двухъ юношей глубь моря приголубитъ,
— Два моря нѣжности въ моей душѣ.

Два имени, полета два, — паденье
— Одно. О, Фаэтона громъ,
Икара молнія. Вѣка, мгновенья,
— И эхо грохотомъ: аэродромъ.

2.

Ристалище крылатымъ колесницамъ,
Твоихъ границъ не обвести стѣной,
Тебя не обойти стопой, но птицѣ,
Летящей бездорожной синевой,

Позволено, крылами не касаясь
Земной черты, небесный кругъ чертитъ.
Аэродромъ, тебя ничто не замыкаетъ,
И звукъ и поле могутъ всё вмѣстить.

Пустоты греческихъ огромныхъ ипподромовъ
И громоплещущій просторный римскій циркъ.
О, зрѣлище ристалища, о сонмы,
Тьмы тысячей крылатыхъ колесницъ.

О, поле плоское, — верста́ми убѣгаешь,
Даль бездорожная — просторами летишь,
Свистя разбѣгами, — пространства простираешь,
Шумя полетами, — выходишь изъ границъ

Равнины — въ синь имперіи великой,
— Ея же рубежемъ не разсѣчешь,
— Твердь неба — не объѣдешь колесницей,
— Зыбь неба — кораблёмъ не обойдешь.

3.

О, тяжесть крыльевъ ко́ндоровъ парящихъ,
Крылъ мертвенность пернатаго орла,
Скользящаго по кру́гамъ нисходящимъ,
Летящаго, столь медленно кружа.

Вы, — крылья древнія отъ новыхъ самолётовъ,
Столь неподвижныя въ предплечіяхъ стальныхъ,
Вы — царственны въ орлиности полёта,
Вы — мертвенны въ просторахъ голубыхъ

Безкрайности широ́кошу́мныхъ взмаховъ,
Безбрежности синѣе всѣхъ морей,
Вѣтроволнуемой и трепетнокрылатой
Имперіи шумящихъ эмпирей.

4. (Аэропланы ночью)

Прислушайся, — то въ небѣ синемъ
Поетъ дрожащій аллюминій.
— Распáхнуты крылá побѣды,
Недвижныя шумятъ надъ бездной.

Крылá стосильныхъ и стошумныхъ.
Влекомый пѣснями винтовъ
Хоръ инструментовъ однострунныхъ,
Рой однозвучныхъ летуновъ.

Глаза горѣ! Въ пространствахъ синихъ
Несутся очи серафимовъ
Потокомъ звѣздъ. Поправши вѣчность
Круговъ, всѣ звѣзды въ безконечность

Летятъ.

Рокочутъ вóды Водолея.
Синь водопадовъ высокá.
Струна звончѣй струны Алкея
Стальная тетива стрѣлка.

Сочтешь ли взмаховъ многократность?
На голоса ль разложишь хоръ?

Высóко рокотъ аппаратовъ,
Далеко потрясенъ просторъ.

II

Какъ моряку, въ предсмертный мигъ глотая
Соль, захлебнуться и ко дну пойти, —
— Такъ авіатору, паденьемъ задыхаясь,
Разбиться, долетевши до земли.

О, кто бы ни былъ ты, читающій и смертный:
Любовниковъ стихій взыскуетъ смерть.
Такъ, я умру, слагая стихъ предсмертный,
Не за́мкнутый созвучьемъ.

Въ смерть
Уйду, какъ каждый вечеръ мы уходимъ
Внезапными тропинками лѣсовъ,
Глухою дремой жаркихъ изголовій
Въ Элизіумъ дремучихъ сновъ.

Я нѣкогда читалъ у древнихъ римлянъ,
Что рѣку переплыть намъ предстоитъ
Томнотекущую, какъ плавный стихъ латинскій,
оды
Медлительной волной въ Аидъ.

И вотъ, я, какъ Орфей, довѣривъ душу струнамъ,
Могуществомъ любви страхъ смерти побѣдивъ,
Иду — и осушаются лагуны,
Пою — и разступается Коцитъ.

Содружемъ стру́нъ души
Привѣтъ вамъ, юноши!
— Мои ровѣсники
Собратствомъ лѣтъ.

Стихами лѣтъ сіе
Мужамъ привѣтствіе!
Сородствомъ возраста
Моихъ стиховъ.

Сѣдины дне́й — стихи —
— Привѣтъ, старѣйшины,
Соитьемъ мудрости,
Наитьемъ рифмъ.

Пѣвцамъ завѣщанной
Стезёй Орфеевой,
— Но не за женщиной, —
Пришелъ въ Аидъ.

Молю васъ струнами
Гортани, юноши,
Въ тоскѣ языческой
Устами смертнаго:

Отъ тѣни — тѣнь его,
Не плоть оче́й его,
Но свѣтъ отъ свѣта, сей
Безплотный взоръ.

Такъ каждымъ вечеромъ
Иду навстрѣчу я
Въ просторы вѣчности
Тропинкой сна

— Къ тебѣ, мой юноша.

Когда падетъ на стогны града вечеръ
Преодолѣвши Стиксъ, стихаетъ стихъ.
Плывутъ моря, лѣса шумятъ навстрѣчу —
— Я снисхожу въ Элизіумъ живыхъ.

Такъ я — въ лѣса воспоминаній
Волна́ми травъ, мѣхами мховъ,
Дремучей дрёмой засыпаній,
Стезей Орфеевыхъ сандалій,
— Въ Элизіумъ тишайшихъ сновъ.

III

ЧЕСТОЛЮБЦЫ

Честолюбцы природно скромны,
— Скромность — гордость: здѣсь нѣтъ двухъ чувствъ,
Двѣ личины есть. — Богъ двулобый.
Скромность — Янусъ въ созвучьи устъ.

Честолюбцы горды, какъ кедры.
Чертъ единыхъ въ насъ сходство есть:
Честолюбцы природно щедры, —
Міру деньги, мы любимъ честь,

Славу въ трубахъ молвы и пѣсняхъ
　　Устъ, гортаней звенящихъ мѣдь.

Честолюбіе: поле чести.
　　Чисты корни: любовь и честь.

Звонъ таланта не скрыли въ землю,
Въ полѣ чести полегли.
Честолюбцевъ въ родство пріемлю.
Честолюбіе — соль земли.

Изъ насъ иные возлюбили
Чужихъ морей родную соль,
Иные сушь песковъ пустыни,
Иные полюса покой.

Пути слѣдили въ звѣздной книгѣ,
Моря, проливы, острова,
Льды и оазисы пустыни
Запоминаютъ имена.

Слѣдъ рыбы въ водахъ непримѣтенъ,
Но воздухъ зыбче зыбкихъ водъ,

И каждый въ небѣ неизвѣстенъ:
Архистратигъ или пилотъ!

Чтó назовешь тамъ именами —
Свѣтъ дня или ночную тьму?
— Вы, журавли подъ небесами, *)
Я васъ въ свидѣтели зову!

Попомни въ небѣ каждый летчикъ,
Въ священныхъ свиткахъ облаковъ
Читающій, — ты лишь начетчикъ,
Чтецъ книги, — книгу пишетъ Богъ.

Однажды — мной былъ встрѣченъ въ жизни,
Единожды твое лицо
Я видѣлъ. Другъ мой званъ и избранъ,
— Георгій — имя, плащъ — крыло.

Въ язычествѣ лѣсовъ литовскихъ,
Чуждъ католическихъ именъ
И католическихъ костеловъ,
Георгій Юрія нашелъ.

И на родномъ, на иностранномъ,
И на нездешнемъ — языкахъ:

---

*) Жуковскій. «Ивиковы журавли» Изъ предсмертнаго проклятья Ивика. Взята свидѣтельская часть. Полностью стихъ читается такъ: Вы журавли подъ небесами, Я васъ въ свидѣтели зову! Да грянетъ привлеченный вами Зевесовъ громъ на ихъ главу.

Многоимённый, — безымянный,
Георгій, славимый въ церквахъ,

Въ крестахъ, въ полкахъ, Разящій Змѣя,
Многознаменный надъ Москвой,
На барельефахъ — древній Эллинъ, *)
А въ православіи — святой.

Рокочутъ струны. Звонъ ристалищъ,
Гулъ ипподромовъ голубыхъ. . .
— Георгій, — небо, — канетъ память,
Но встанешь въ легіонахъ сихъ

Подъ сѣнь копья, кровъ крылъ просторныхъ,
Гдѣ всѣ, кто имя то носилъ.
А если скажутъ мнѣ: Георгій,
Я вспоминаю: лётчикъ былъ.

IV

АВІАТОРЫ

Нѣтъ авіаторовъ съ сѣдыми волосами,
— Бѣжитъ насъ сѣдина и мы ее бѣжимъ,

---

*) Подразумѣваю: «Фракійскихъ Всадниковъ» см. ст. 174 т. II, de Catalogue des Sculptures rom. byz. par G. Mandel, Constantinople 1914.

Скорѣе выключимъ винты подъ небесами,
Но стариками жить мы не хотимъ.

Боимся старости, но къ смерти нѣтъ въ насъ страха,
Рождённые землей пріемлемъ твердь.
Надѣнемте же чистыя рубахи:
Быть можетъ завтра въ небѣ встрѣтимъ смерть.

Мы горды безземеліемъ вселенскимъ
И безлюбовіемъ Престоловъ, Силъ, Началъ, *)
Быть можетъ Богъ, взамѣнъ любови женской,
Намъ замираніе въ паденьяхъ даровалъ.

Мы исключаемся мотора выключеньемъ,
Трель сердца падаетъ, то вѣчность или мигъ?
Томимое послѣднимъ вожделѣньемъ
Такъ сердце падаетъ въ предсмертный мигъ любви.

Мы — обручённые кольцомъ, какъ дожи
Венеціанскіе, но синь наша не та́, —
Мы — обреченные, привязаны къ гондоламъ,
Всѣхъ жёнъ земныхъ милѣй намъ высота.

Летавшіе дорогами прямыми,
Избравшіе полетовъ ремесло,
Предъ Господомъ предстанемъ молодыми
И станемъ подъ высокое крыло.

---

*) Чины ангельскіе.

Сколь осѣняющихъ, столь въ мощи неподвижныхъ,
Тѣнь крылъ Твоихъ, сѣнь крылъ Твоихъ простри.
— Въ Тебѣ успокоенье нашихъ крыльевъ,
Въ разъятости Твоихъ — сомкнутость нашихъ крылъ.

V

АВІАТОРЪ

Возлюбилъ душою онъ отвѣсы,
Возносили крылья высокó,
Чуть пониже Бога въ Подбесной,
Чуть повыше ангеловъ Его.

Вотъ такой онъ былъ — крылатолобый
— Благородство кости, роста, ранъ.
Ужъ не ангелу ли братъ крестовый,
Или другъ Давида Іонафанъ. *)

Русокудрый — волосы на вѣтеръ,
Слова нá вѣтеръ не броситъ никогда.
Вотъ такой былъ — Господомъ отмѣченъ.
Оборвись моя струна.

---

*) Въ словѣ Іонафанъ должно читать только три слога, ради размѣра: Енофанъ.

VI

ОДИНОЧЕСТВО

Въ незримую вражду столовой
И въ тяжесть спальной Ты вносилъ:
— Даль — горизонтъ аэродромовъ
И свѣжесть полотняныхъ крылъ.

Чьё óко видѣло далёко,
Чья пѣсня далью продлена,
— Кто много разъ бывалъ высóко,
Глядитъ на міръ не свысокá.

Снѣговъ земли любилъ равнины,
Любилъ равнины облаковъ.
Чтя одиночество пустыни,
Изъ многолюдныхъ городовъ

Ты не бѣжалъ — неуловимый —
Возлюбленъ Господомъ стихій,
Чуждъ одинокости унылой,
Ты одиночество любилъ.

VII

ОСТРОВЪ ЛИНОЗА

«Это блистаетъ
«Свѣтъ маяка,
«Онъ приглашаетъ
«Издалека

«Остановиться,
«Руль повернуть
«И на Линозу
«Свой держать путь.

«Островъ Линоза.
(Изъ дѣтскихъ стиховъ авіатора).

Поэтамъ внятные слова
Дѣтей, — къ вамъ взрослые суровы.
Есть въ этомъ мірѣ острова
У мальчиковъ свѣтлоголовыхъ.

Поэтъ. Высокія права
Дѣтей отстаиваю съ парты:
Есть въ океанахъ острова
Незанесённые на карты.

Въ понтійской древности хребта
Онъ былъ Атлантомъ, Нереидой
Онъ въ ночь безъ дня, коснулся дна
И днесь зовётся Атлантидой.

Есть островъ птичьихъ стай Уакъ-Уакъ,
— Спроси Харуна-эръ-Рашида, *)
Но не объ этихъ островахъ,
Материкахъ, Океанидахъ.

Для моряковъ закрытъ Твой островъ:
Ни широты, ни долготы.
Твой островъ нѣкогда вознесся
По вертикалямъ высоты.

Въ архипелагахъ звѣздной книги
Я отыскалъ его маякъ.
Руль высоты! Я островъ видѣлъ
Съ кормы высокой корабля,

Кормы безвесельной триремы,
Крылатой крыльями побѣдъ.
Корабль, корабль моей поэмы.
— Стиха стихіи вольный бѣгъ.

---

*) Новая транскрипція этихъ двухъ именъ (вмѣсто Вакъ-Вакъ и Гарунъ-аль-Рашидъ). Попытка возстановить правильное произношеніе ихъ по арабски.

(Справка Заводовскаго).

Тебѣ, мой мальчикъ, — смѣлый, смѣлый, —
Изъ жизни стихъ, привѣтъ сквозь смерть.
Блаженъ, кто острова блаженныхъ
Позналъ душой въ пятнадцать лѣтъ.

Что дѣтство? — Древность языка.
Языкъ — языческій? — Небесный!
Поэту Богомъ власть дана
Смыкать и разрывать завѣсы.

VIII

* *
*

Я вижу домъ, и Волги токъ широкій,
И мальчика, ладони приложа
Къ глазамъ, сѣдящаго высокій,
Пронзительный полётъ стрижа.

(1930 и 1932).

IX

* *
*

Какъ будто стилосомъ! — не воскъ, — гранитъ,
довольно.
Изжито, о́тжито, — не зажило, — прощай.
Такая боль, что мнѣ уже не больно,
Какъ мертвому, — отчаль моя печаль.

Какъ мертвому, какъ стертому съ скрижали,
Какъ смертному съ безсмертною душой
Разставшемуся. Остаются дали,
Сердечный стукъ, моторовъ перебой.

Ревнитель скорости, — не отмѣчаетъ счётчикъ
Паденій сердца, — замирающая трель.
Пусть помнитъ въ небѣ каждый, каждый летчикъ,
Что мать его осталась на землѣ.

Въ пустынѣ сердца нѣтъ. Тебѣ, наслѣдникъ,
Звукъ слова женщина изгнать, изъять, не знать.
Быть можетъ ангелы и только въ часъ послѣдній:
«Есть слово женщина и это значитъ — мать.»

X

ПАДЕНЬЕ

Хрипъ задыханья, крикъ паденья,
— Сей мигъ стремительности мигъ,
— Мигъ длительности, — Бога мщенье.
Паденіе опережаетъ крикъ.

Но упреждая страхъ предсмертный,
Рукой своей: руль высоты.
На тысяча-послѣднемъ-метрѣ
Такъ разбиваются они.

Небесной ёмкости отвѣсы!
Былъ малъ земной аэродромъ.
Проклятьемъ ёмкости небесной
Земную узость назовёмъ.

Во полетахъ скорости предѣльной
Предѣльна острота угла
Сниженья.
Выключивъ пропеллеръ,
Издалека́, не свысока́

Снижался, птицей на излётѣ.
Руля послѣдній поворотъ
И въ изсякающемъ полётѣ
Посадку началъ самолётъ.

Есть трепетъ зависти въ дубовыхъ
Вершинахъ къ высотѣ крыла:
Дубъ многорукимъ птицеловомъ
Раскинулъ вѣтви. Уголъ взятъ.

Рулямъ и крыльямъ довѣряя
Остатокъ скорости крутизнъ,
Снижался съ деревомъ сближаясь, —
Все позади: рѣка и жизнь.

Руль высоты! И воздухъ дрогнулъ.
— Такъ правятъ въ смертный мигъ рулёмъ.
Въ тысячелистныя трущобы
Зелёной смерти, — напроломъ,

Навылетъ, на́ смерть иль на выносъ,
Въ руины рушащихъ вѣтвей
Руиной рушащихся крыльевъ
И сталью рвущихся снастей.

Не струны звономъ исходили.
— На полусловѣ сорвалось.
Вразъ рвутся струны сухожилій,
Съ предплечій крылья разомъ врозь.

И нá земь палъ,
Казалось спалъ,
И вѣтеръ волосомъ игралъ.
Покой.

Конецъ полету и поэмѣ.
Стихаетъ стихъ, досказанъ сказъ.
Аэродрома громъ и Нѣманъ
Нѣмой. Струна оборвалась.

Такъ крылья рухнули въ крушеньи,
Отомщена слѣпая твердь.
Но длилъ полетъ, продливъ паденье
Паденьемъ глубочайшимъ въ смерть.

Архангельскихъ устъ брошенное слово,
Подхваченное въ ангельскихъ трубахъ,
Се зóвы вѣчности гудящаго глагола
Съ отвѣсовъ вѣчности текутъ въ колоколахъ.

«Азъ вознесу на крыльяхъ распростертыхъ
«Въ прохлады вечера до утренней трубы.

Часъ похоронъ — часъ радости для мёртвыхъ,
— Печали для оставшихся въ живыхъ.

Отъ птицъ стальныхъ звенѣло поле
Во всемъ величьи роковомъ.
Послѣдній разъ ты плылъ въ гондолѣ —
Толпою тысячной несомъ.

Гдѣ похороненъ авіаторъ,
Какъ въ небеса подъятый перстъ,
Изъ двухъ пропеллеровъ крылатыхъ
Поставленъ подъ могилой крестъ.

(1932).

8

ЭПИЛОГЪ

„Qui a dit que tout disparaisse . . .
. . . .
„De l'oiseau que tu blesses
„Qui sait s'il ne reste le vol?

(R.-M. Rilke).

Тебѣ, который не оттиснулъ
Слѣда на глинѣ нашихъ дней,
Сплетаю вязью рукописной
Кольцо стиховъ и кругъ ночей.

Тебѣ, который не оставилъ
Щедротъ въ наслѣдіе земныхъ,
Наслѣдую внѣ правъ и правилъ,
Минуя мертвыхъ и живыхъ

Наслѣдниковъ. — Есмь безземельный,
Ты безсеребрянникомъ былъ —
Наслѣдство скорости предѣльной,
Имущество шумящихъ крылъ.

Неизслѣдимый изнача́ла,
Неуловимый до конца.

Когда струна моя солга́ла,
— Душа моя не солгала́.

Я жилъ въ горахъ; гремѣли громы.
Склонялись зо́ри къ рубежамъ.
Я вспоминалъ аэродромы,
Когда высоко замѣчалъ (1930)

Орла державное паренье,
Стрижа стремительный полетъ.
Съ тѣмъ самымъ смутнымъ восхищеньемъ,
Что кровь къ щекамъ моимъ несетъ (1932)

Глухимъ, властительнымъ приливомъ,
Я вспоминалъ мой первый крикъ,
Когда изъ глыбы встала мифомъ
Поэма. Но сливался ликъ, (1932)

И смуглой смѣлости усилья
Трехъ юношей единый стихъ:
«Все объ одномъ — мечта о крыльяхъ». (1929 и 1932)

Я спалъ и снились мнѣ триремы
Крылошумящія во снѣ,
А строфы новыя поэмы,
Еще неслышныя, во мнѣ — (1930)

Уже росли, какъ за горами
дальнихъ
Растетъ въ ущельяхъ горныхъ громъ.
И горы грянули стихами:
Загрохоталъ аэродромъ. (1932)

И разступились неба своды,
И всталъ крестомъ надъ чашей водъ,
Какъ вѣстникъ смерти и свободы,
Твой острокрылый самолётъ. (1932)

Въ немъ въ двухстихiйномъ изобильи
Первичныхъ тварей слился ростъ: *)
Отъ перводной птицы крылья,
Отъ первозданной рыбы хвостъ, (1930 и 1932)

— Отъ птицы больше, чѣмъ отъ рыбы:
Вся легкость ласточки была
Въ неуловимости изгиба
Остроконечнаго крыла. (1930)

---

*) Первыя живыя созданія: рыбы, гады и птицы (Библія. Бытіе глава I, ст. ст. 20-21).

Пропеллеръ пѣлъ. Твоя дорога
Была, какъ пѣсня, высока́.
Клубясь, синѣли въ храмѣ Бога,
Какъ дымъ кадильный, облака. (1932)

* *
*

Посв. Маргаритѣ Б.

Какъ камень зодчаго съ высотъ гудящій къ низу,
Я рухну въ смерть по льдамъ литыхъ убранствъ,
Загрохочу по каменнымъ карнизамъ,
И вспомню я сквозь смертный свистъ пространствъ

Ни крылья музы черныхъ вдохновеній
Скалистыхъ странъ — съ огнемъ въ слѣпыхъ очахъ,
Ни грохоты священныхъ сердцебьеній,
Съ предсмертнымъ крикомъ счастья на устахъ,

— Но, въ этотъ мигъ стремительной разлуки
Свистя сквозь воздухъ горъ, гудящій, какъ органъ,
Я вспомню двѣ руки, согрѣвшія мнѣ ру́ки
Въ убѣжищѣ высокихъ горныхъ странъ.

Meudon 27 октября 1932 г.

ФИНЛЯНДІЯ (къ циклу — СѢВЕРЪ)

Лѣса, рога косматыхъ лосей. . .
Угрюмъ твой ликъ и глухъ твой сонъ.
Суоми *) — царство хмурыхъ сосенъ,
Финляндія — мятелей звонъ.

Зимой опушена снѣгами,
Лучами лунъ озарена,
Одѣта мхами, какъ мѣха́ми,
Моя родимая страна.

Встаютъ, сіяютъ, гаснутъ лу́ны,
И колдуны изъ вѣка въ вѣкъ
Читаютъ сѣверныя руны
На берегахъ замерзшихъ рѣкъ.

— Замерзшихъ — нѣтъ! — какъ рокотъ сосенъ,
Здѣсь вѣченъ грохотъ зимнихъ волнъ,

---

*) Суоми — страна болотъ.

Но танецъ бѣшенныхъ лососей
И человѣка гордый челнъ

Не смѣютъ въ черныя пучины:
— Здѣсь Иматры потокъ гремитъ,
Дрожатъ граниты-исполины,
Съ лѣсами эхо говоритъ.

Мнѣ любы сѣвера равнины,
Но страшенъ взглядъ его сыновъ,
— Взглядъ изподлобья, — эти финны
Порода вѣдьмъ и колдуновъ.

И, озаряя новымъ свѣтомъ
Громаду лунныхъ валуновъ,
Я вижу въ камняхъ всѣ примѣты
Окаменѣлыхъ мертвецовъ.

— Здѣсь нѣтъ обряда: въ гробъ иль въ пламень —
— Къ ночи самъ трупъ уходитъ въ боръ
И каменѣетъ въ дикій камень,
Въ закатъ вперяя мертвый взоръ. *)

Что пѣсни Калевалы старой?..
Что эти руны звонкихъ струнъ?

*) Вѣрованіе Лопарей.

— То заклинанія и чары;
Что богатырь, то-и колдунъ. **)

Шумятъ, какъ нѣкогда шумѣли,
Лѣса языческихъ временъ.
Суоми — царство черныхъ елей,
Финляндія — мятелей звонъ.

Черна твоихъ племенъ былина:
Не можетъ ни одинъ колдунъ
Расколдовать угрюмство Финна,
Прочесть заклятья древнихъ рунъ.

Въ моихъ мечтахъ — безъ зимъ ,безъ вёсенъ —
Угрюмый шумъ, немолчный плескъ,
Язычества священныхъ сосенъ,
Балтійскихъ волнъ холодный блескъ.

Allemont-Meudon 1932 г.

**) Книга эпоса Финновъ.

* *
*

Снѣга вечерніе на пикахъ пламенѣли,
Долины были холодомъ полны,
Былъ тихъ тотъ часъ и ели не шумѣли,
Но предстояли въ храмѣ тишины. *)

Въ прохлады синія глядѣлъ я зоркимъ окомъ:
Былъ горный кругозоръ скалистъ и дикъ,
И видѣлъ я изъ синяго далёка,
Какъ нѣкій перстъ, подъятый въ небо пикъ.

И въ синій храмъ нагорною тропою,
— На западъ солнца, — въ таинство огня,
Сквозь страны вечера, возлюбленныя мною,
Мой духъ ушелъ съ послѣднимъ часомъ дня.

Брюссель: Февраль, 1933.

---

*) Варіантъ:
Но предстояли въ храмѣ тишины:
Темны, торжественны. Глядѣлъ я зоркимъ окомъ

АНГЕЛЪ СѢВЕРА

Посвящается бар. А. А. Икскюль.

Эпиграфъ:

Снѣга, снѣга священные, сѣдые...

Лѣса странъ Сѣвера — священные сѣдые:
Кумирни древнія языческихъ племёнъ.
Ливоніи равнины ледяныя,
Руины за́мковъ рыцарскихъ времёнъ.

Спятъ мёртвымъ сномъ въ соборахъ палладины
Въ священныхъ латахъ, въ орденскихъ плащахъ.
— Всё стало рунами, когда легло въ руины,
И вѣчностью, когда распалось въ прахъ.

Васъ сторожитъ, съ мечёмъ, исполненъ думы,
Изъ синихъ льдовъ, изъ царства звѣздныхъ зимъ,
Хранитель Сѣвера самъ ангелъ странъ угрюмыхъ,
Одинъ въ снѣгахъ крылатъ и недвижимъ.

Брюссель. Май. 1933 г.

МУЗА ГОРНЫХЪ СТРАНЪ

О крылья Музы черныхъ вдохновеній
Скалистыхъ странъ съ огнемъ въ слѣпыхъ очахъ

Въ пустыняхъ горныхъ одиночествъ,
— Гдѣ смотрятъ въ глубину озеръ
Осколки сводчатые зодчествъ,
— Громады синихъ лунныхъ горъ.

— Гдѣ черный слѣдъ альпійскихъ молній
На зубьяхъ каменныхъ хребтовъ,
Въ скалахъ торжественныхъ безмолвій,
Въ руинахъ древнихъ валуновъ,

Пріосѣненъ двумя крылами,
Въ пучинахъ озера возникъ
Твой ликъ, склоненный надъ водами,
Нерукотворный, черный ликъ.

Въ скалистой чашѣ откровеній,
Въ подводныхъ синихъ небесахъ

— Твой, муза горныхъ вдохновенiй
— Твой ликъ съ огнемъ въ слѣпыхъ очахъ,

Взглянулъ я мертвыми глазами
Наверхъ, и умеръ въ сердцѣ крикъ:
Склоненъ, какъ древле надъ водами
Прекрасенъ былъ гранитный ликъ.

Тамъ, въ небесахъ синепонтiйскихъ
Глядѣла звѣздами въ туманъ
Сама Мадонна скалъ альпiйскихъ,
Мадонна синихъ горныхъ странъ.

Meudon-Bruxelles 1932—1933.

* *
*

Посв. М. Д.

Одинъ въ снѣгахъ страны вечерней,
Овѣянъ тайной тишины,
Я, — съ каждымъ годомъ — суевѣрнѣй, —
Встрѣчаю ласточку весны.

Зима, какъ ангелъ, смотритъ въ очи
Сквозь синь окна, пустырь окрестъ,
Гдѣ въ синевѣ студеной ночи
Чернѣетъ нашей церкви крестъ.

Да будетъ памятно сегодня,
И въ книгу жизни — внесено,
Какъ нынче ласточка Господня
Крыломъ ударила въ окно.

Ноябрь-Декабрь 1933.
Числа не помню.
Meudon.

МАДОННА СКАЛЪ

Ползли на тризну въ часъ кровавый,
Клубясь, драконы-облака.
Одна, въ лучахъ вечерней славы, —
Тиха, свѣтла и высока

Мадонна скалъ на черныхъ кручахъ
Глядѣла, затуманясь, вдаль,
И я глядѣлъ, и видѣлъ въ тучахъ,
Сквозь воздухъ, синій, какъ печаль,

Сквозь воздухъ синій и студеный
Вечерней, горной тишины,
Какъ тучи — облака — драконы,
Поднявъ туманные хребты,

Хребтамъ подобные зубчатымъ
Скалистыхъ кряжей горныхъ странъ,
— Клубясь, — на пиршество заката,
— Волнуясь, будто караванъ.

Ползли. Цѣпь черной Белладонны
У ногъ и небо безъ конца:
Я на главѣ самой Мадонны
Стоялъ у крайняго зубца.

Окрестъ клубилось небо въ тучахъ
И воздухъ горъ синѣлъ и стылъ
И крестъ въ снѣгахъ, на черныхъ кручахъ,
Закатъ, казалось, сторожилъ.

Глядѣлъ, стряхнувъ оцѣпенѣнье
И страхъ съ моихъ усталыхъ плечъ:
На синемъ небѣ откровенья
Тѣнь отъ креста была какъ мечъ.

И знакъ креста творя украдкой
Отъ самого себя, я зналъ,
Что я мой духъ глухой загадкой,
Снѣга и горы заклиналъ.

Дек. 1933 г.
Meudon.

МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ И АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ

Посв. Н. С. Кранову.

I.

Покрыты дали чернолѣсьями,
Окно высоко надъ землёй,
И провода стальными пѣснями
Звенятъ, какъ струны, надо мной.

И вѣтеръ странъ священныхъ Сѣвера
Снѣжитъ Брабанта города
И въ синихъ странахъ, странахъ вечера,
Звенятъ, какъ струны, провода.

Многооконной глыбой зодчества
Стоитъ нашъ домъ. Пустырь угрюмъ.
Черны вы, ночи одиночества,
Свѣтлы вы, страны горныхъ думъ.

Надъ градомъ поднятъ мечъ архангела,
Маякъ зажёгъ свою свѣчу;
Сижу одинъ, рисую ангеловъ
И арфы съ ликами черчу.

И вѣтеръ, вѣтеръ Уйленшпигеля
Летитъ, шпиль ратуши дрожитъ,
А флюгеръ, что на крышѣ флигеля,
На сѣверъ стрѣлкою глядитъ.

(Брюссель 1933 — Meudon 1934).

1.

Тринадцать лѣтъ я не видалъ Россіи,
Но помнилъ, вѣрилъ, числилъ и молчалъ.
Огнь, пепелящій души молодыя,
Въ снѣгахъ альпійскихъ духъ мой закалялъ.

Одинъ, въ ночи, я чинъ творилъ Псалтири
Надъ гробомъ умершихъ. Постилъ и голодалъ.
И мѣсяцами лѣтопись Сибири,
Какъ Библію Россійскую, читалъ.

Я въ синихъ храмахъ подавалъ кадило,
Молчанію учился у звѣрей.
Я камнемъ сталъ. И тишина-Сивилла
Открыла книгу памяти моей.

И въ странахъ памяти: среди именъ и ликовъ
Стоялъ и созерцалъ я васъ одинъ,
Какъ нѣкогда глядѣлъ съ альпійскихъ пиковъ
На западъ солнца въ тишинѣ вершинъ.

Въ Тебѣ *) одной познанья скрыта сила,
Тобой одной священна тишина. . .
Коль Ваньку-Каина душа моя любила,
Такъ полюбить и васъ была должна.

Темны, торжественны лѣса твои глухіе,
Снѣгами мхи твои опушены.
Снѣга́, снѣга́, — священные, сѣдые!
Стою, овѣянъ тайной тишины.

Почтимте же — челомъ склонимся долу —
Двухъ ангеловъ Россійскія страны,
Понеже ближе не стоятъ къ престолу
И серафимовъ тайные чины.

---

*) Здѣсь авторъ разумѣетъ Богородицу.

2.

Не гулъ надъ степью половецкой,
Не плещетъ вёслами норманнъ,
Не рѣжетъ сталью конь нѣмецкій
По льдамъ озёрныхъ Чудскихъ странъ,

Несдвижны ели вѣковыя,
Озёра въ сны погружены:
Зима косматая Россіи,
Зима полуночной страны.

Надъ Новгородскими лѣсами
Лишь карканье вороньихъ стай,
А за степями-ковылями
И конскій топъ и пёсій лай.

Былины-ковыли степные,
Черна ты, быль страны родной:
Русь подъ копытами Батыя,
Русь подъ татарскою Ордой.

3.

. . . .

. . . .

И стали города въ болото
Лѣсною тайной уходить. . .

Съ колоколами и крестами,
Въ озёрный погружаясь сонъ,
Тонули города съ церквами.
Но долго, долго перезвонъ

Стоялъ подводныхъ колоколенъ.
И по сейчасъ по вечерамъ
И по утрамъ, когда, какъ храмъ,
Стихаетъ лѣсъ, закатъ не воленъ

Уйти, или еще горятъ
На небѣ утреннія звѣзды
И спящихъ птицъ безмолвны гнѣзды,
Подъ топями болотъ звонятъ.

4.

Не слышенъ щекотъ соловьиный,
Невѣдомъ каждый поворотъ
И чёрный слѣдъ тропы звѣриной
Уходитъ въ глушь, да въ тишь болотъ.

Лишь лёгкій топотъ двухъ коней
Вспугнетъ слѣпыхъ Нéотопырей.
Тѣснятся ели чёрнымъ кругомъ,
Какъ колдуны, стоятъ и ждутъ.

Завыли волки по яругамъ,
Въ степи зарницы небо жгутъ.

На еляхъ черные кресты,
Въ ночи, какъ жаръ, горятъ цвѣты.

«Гляди-тка, Ѳедоръ: звѣзды, ёлки,
На еляхъ теплются кресты».
«А чтой то-сь, княже, воютъ волки,
Въ ночи, какъ жаръ, горятъ цвѣты?

Мнѣ сонъ привидѣлся намедни;
Костры горѣли въ терему,
Стояли мы и чинъ обѣдни
Творилъ самъ Богъ, а мы въ дыму

Стоимъ и дымъ тотъ отъ кадила,
А по тѣламъ у насъ цвѣты

Горятъ... да будетъ съ нами сила
Живаго Бога...» «Что же ты

Умолкъ?» Зарница. «Что-то будетъ?»
«Крестовый братъ, трава въ крови».
«... И на единомъ синемъ блюдѣ
Мы держимъ головы свои».

Не воздухъ разсѣкаютъ птицы:
Летятъ кресты. Черна трава.
На небѣ синія зарницы,
А за степями татарва.

Остановились князь и другъ:
Зарница кажетъ путь на югъ.

5.

Пряма была твоя дорога:
«Я хану сотворю поклонъ,
Но вѣровать въ иного Бога,
Который Дѣвой не рождёнъ,

И страху ради чтить кумира...»
Княжую шубу съ плечъ стряхнулъ,
Сказалъ: «примите славу міра»
И мечъ тяжёлый отстегнулъ.

И кто сей Духъ? Крылá подъемлетъ,
— Склонитесь долу, ковыли, —
— Услышьте грады, веси, земли —
Не князь Черниговской земли,

Сей Духъ палящъ, какъ угль кадила,
Сей смертный Ангела достигъ:
Пріими — Святого Михаила,
Небесныхъ силъ Архистратигъ!

6.

Сѣдые ковыли да ели
Черны, что быль родной земли.
Лѣса угрюмые шумѣли,
Склонялись долу ковыли.

7.

Ликъ припечатанъ при Ижорѣ:
Былъ княжескій ударъ копья!
Хмуръ за сѣдымъ Варяжскимъ моремъ
Угрюмый родичъ короля.

Тиха надъ Орденомъ суровымъ
Зима, одни лѣса шумятъ.
Сонъ о побоищѣ ледовомъ
Монахи помнятъ и молчатъ.

Молчать о томъ, какъ на полянѣ,
Отъ льдовъ побоища вдали,
Бискупъ и Божіе дворяне
Тѣла товарищей нашли.

Покрыты ордена плащами,
Лежали меченосцы въ рядъ,
Глядѣли мёртвыми глазами
И въ ихъ зрачкахъ горѣлъ закатъ.

Смерть — надъ крестами роковыми —
Богъ, тишина и страхъ лѣсовъ.
Храпѣли кони подъ живыми
И пятились отъ мертвецовъ.

Лежали строемъ палладины,
И страхъ замёрзъ у нихъ въ глазахъ.
Ни человѣчій, ни звѣриный
Не виденъ слѣдъ былъ на снѣгахъ.

Страшна страна: кругомъ глухіе
Темны лѣса оснѣжены.
Снѣга — священные, сѣдые,
Снѣга и тайна тишины.

8.

Глядится черными очами
Кругомъ вода лѣсныхъ болотъ.
Тамъ колдуны надъ мертвецами
Творятъ по елямъ чёрный ходъ.

Не слышно звону, — за лѣсами
Вороній грай да топоры,
И прижимаетъ князь перстами
Къ груди зашитые Дары.

Изъ хвойныхъ странъ великолѣпій,
Зубчатый оставляя боръ,
Онъ выѣхалъ, — открылись степи:
Изъ края въ край, просторъ въ просторъ.

Свершайтесь, огненныя чары,
Гори, заката полоса.
По степи стелются пожары,
Горятъ на сѣверѣ лѣса.

И ѣдетъ онъ по степи дикой,
Счётъ потерявъ ночамъ и днямъ,
И кажетъ ночью путь великій
Звѣзда по древнимъ ковылямъ.

Разъ было къ ночи: будто плачетъ
Земля, — не близко-ль ханскій станъ?

Вотъ замеръ конь, храпитъ и скачетъ,
И выѣзжаетъ на курганъ.

Отъ голой головы кургана,
Какъ море, ширилась предъ нимъ
Орда татаръ и ставка хана
И надъ Ордой великій дымъ.

И надъ Ордою Золотою,
Какъ нѣкій взоръ, заката лучъ
Пронзалъ священною стрѣлою
Драконовъ потемнѣвшихъ тучъ.

9.

Когда онъ шёлъ между кострами,
Какъ лебедь голову склоня,
И колыхалось тихо пламя,
Свершая таинство огня,

— Какою думой зачарованъ
Былъ Александра свѣтлый ликъ?
Лѣса ли сѣвера сѣдого
Онъ вспомнилъ въ этотъ страшный мигъ?

Иль чудо озера Чудского:
Снѣга и льды и битвы пылъ?
Творилъ ли онъ молитвы слово
Или въ безмолвьи съ Богомъ былъ?

— Всей жизни дни твои святые
Для мига этого ты жилъ:
Между костровъ, въ ордѣ Батыя,
Какъ ангелъ Сѣвера, ты былъ.

10.

Почтимьте же, — челомъ склонимся долу,
Двухъ ангеловъ Россійскія страны,
Понеже ближе не стоятъ къ престолу
И серафимовъ тайные чины.

Темны, торжественны лѣса твои глухіе,
Снѣгами мхи твои опушены...
Снѣга, снѣга — священные, сѣдые...
Стою, овѣянъ тайной тишины.

Meudon 1933—34.
Парижъ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СПИНОЗЫ

1933—1934

ДЕЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Барухъ *Спиноза.*
Мортеира — раввинъ, учитель Спинозы.
Ольденбургъ — другъ Спинозы.
Симонъ де Врисъ — купецъ.

Раввины; чтецы-канторы Синагоги;
Соломонъ и Моисей — евреи;
Врачъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Амстердамѣ, потомъ въ Гаагѣ.

СПИНОЗА

Сцены изъ жизни Спинозы

СЦЕНА 1-АЯ

Комната Спинозы въ Амстердамѣ.

СПИНОЗА *(одинъ)*.

Какъ сквозь туманъ, вы смотрите, евреи.
Склонясь надъ каждой буквой алфавита,
Вы въ тайнахъ чиселъ книги Бытія —
— Въ писаньяхъ человѣческаго духа —
Все видите божественнымъ
И, заикаясь, мыслите о Богѣ.
У васъ учиться нечему, а вздумаешь перечить,
Тебя такимъ проклятьемъ угостятъ,
Что даже католическая церковь,
Еретику включившая въ проклятье
Такую чёртову окрошку пожеланій,
Когда бъ услышала хэрэмъ евреевъ,
Отъ зависти бы сухо заикала.

(задумывается и улыбается. Входитъ, имъ незамѣченный Ольденбургъ).

А мнится мнѣ, что истина проста
И мнится мнѣ, что нѣтъ свѣтлѣй науки,
Чѣмъ геометрія.

Ольденбургъ.

Барухъ, послушай.
Ты говоришь, что геометрія свѣтла?

Спиноза.

Божественна.

Ольденбургъ.

А какъ же греки,
Надъ тайной треугольника склонясь,
И числъ ища простыхъ пифагорейскихъ,
И не нашедъ, закляли посвященныхъ,
Предвидя въ томъ крушеніе науки,
О тайнахъ числъ народу говорить.
И, какъ гласитъ преданье доксографовъ,
Разоблачившій тайну былъ убитъ.

Спиноза.

Итакъ, она вдвойнѣ божественна, какъ видишь.

Едва лишь греки прикоснулись къ числамъ,
Ища въ ихъ свойствахъ сущность бытія,
Какъ числа сдѣлались загадками
И сами стали задавать вопросы.
Божественна она еще и потому
Что запятнали ее невинной кровью іерофанты.
Чуть свято что, такъ мигомъ льется кровь.
Хоть опрометчиво тотъ мальчикъ поступилъ,
Открывши слабость вполовину умныхъ
Толпѣ наивныхъ, темныхъ дураковъ,
Что видятъ въ каждой высшей мысли
Покушенье на святость ихней глупости.

Ольденбургъ.

Ну, какъ живешь, и что твое здоровье?

Спиноза.

Ты лучше бы меня спросилъ: «какъ думаешь?»
Живу я, какъ змѣя, кусающая хвостъ.

Ольденбургъ.

А что евреи?

Спиноза.

Недавно пара юношей пришла.
Сперва подлизывались очень долго

И говорили мнѣ: ты будешь
Столпомъ всѣхъ амстердамскихъ синагогъ,
А послѣ начали легонько, безъ нажиму,
О разныхъ разностяхъ распрашивать меня.
Мнѣ было неудобно сородичей отправить просто къ
чёрту
И, чтобы отвязаться отъ нихъ, я имъ сказалъ,
Что Богъ по Библіи едва ли безтѣлесенъ,
Что ангелы суть только привидѣнья
И что изъ Торы трудно заключить
Безсмертіе души. Само же слово
Душа повсюду въ Торѣ значитъ жизнь.
И, наконецъ, недавно попросили
Меня раввины амстердамскихъ синагогъ
Хоть изрѣдка заглядывать въ собранье
И предложили мнѣ за это
По тысячѣ флориновъ въ годъ.
И, наконецъ, вчера, когда я шёлъ домой,
У старой португальской синагоги
Часу въ осьмомъ, и, помнишь, былъ туманъ
По городу. . .

Ольденбургъ.

Такой туманъ, что я разбилъ очки
И нынче вотъ пришелъ къ тебѣ съ заказомъ.
Такой туманъ, что, руку протянувъ,
Не то что пальцевъ — локтя я не видѣлъ.

Спиноза.

Такой туманъ, что даже
Евреи стали храбрыми.

(снимаетъ съ вѣшалки камзолъ и подаетъ его Ольденбургу).

Ольденбургъ.

Но это, это вѣдь ударъ кинжаломъ.

Спиноза.

Какъ видишь.

Ольденбургъ.

Но тебя хотѣли убить.

Спиноза.

Да, кажется, но славный былъ туманъ.
А впрочемъ никакого знанья дѣла:
Должно быть у него рука дрожала
И вѣрно уколоться онъ боялся самъ.
Не правда ль это просто пошло:

Не хочешь денегъ брать, такъ бьютъ кинжаломъ въ спину.
Какая бѣдность доводовъ.

(Ольденбургъ встаетъ и хочетъ идти)

Куда?

Ольденбургъ.

Въ полицію.

(Спиноза смотритъ на него съ сожалѣніемъ. Ольденбургъ медлитъ и остается).

Спиноза.

Ты мнѣ очки принесъ въ починку?
Славно стекла дѣлать
Что бъ люди близорукіе могли
Яснѣе видѣть въ отдаленіи предметы:
Отъ биржи церковь отличить,
Монаха отъ дѣвицы
И бургомистра отъ свиньи,
И чтобъ учёные, сквозь стекла телескоповъ
Въ косматый космосъ устремляя взглядъ,
Бросая геометрію въ пространство,
Могли писать претолстые тома.
Я радъ заказамъ: мнѣ они нужны.

Ольденбургъ.

Позволь впередъ тебѣ. . .

Спиноза.

Нимало не позволю.

Ольденбургъ.

Позволь, какъ другу. . .

Спиноза.

Тронутъ.

Ольденбургъ.

Но если ты захочешь выйти.
Ну; книгу тамъ купить
Иль въ театръ пойти,

Спиноза.

Видишь, сейчасъ мнѣ книги не нужны, —
— Я самъ пишу ихъ; что до зрѣлищъ.

(показываетъ въ уголъ комнаты)

Ольденбургъ.

Я слышалъ, что твое любимое занятье. . .

Спиноза.

Смотрѣть, какъ мухъ сосётъ паукъ,
А также стравливать двухъ пауковъ.

Ольденбургъ.

Тебѣ бы надо почаще выходить
Да говорить съ людьми.

Спиноза.

Я часто говорю съ хозяйкой
Особенно когда она беременна бываетъ,
А чаще говорю я самъ съ собой.

СЦЕНА 2-АЯ

У раввина. Раввинъ, Моисей, Соломонъ, третій еврей.

Потомъ Мортеира.

Моисей.

Онъ намъ сказалъ, что евреи набиты
Предразсудками, какъ пирожки съ
Тухлой начинкой.

Соломонъ.

Положимъ, онъ этого не говорилъ. . .

Моисей.

Ну и что? — онъ еще намъ сказалъ, что
Если Моисей былъ замѣчательно умный
Жуликъ, то раввины просто недоразвитые кретины.

Третій еврей *(слушая съ явнымъ удовольствіемъ)*

Ай-яй-яй!

Раввинъ *(скептически)*

Ты это знаешь или ты это думаешь?

Моисей.

Клянусь прахомъ моего отца и бородой
Твоей матери.

Раввинъ.

Во-первыхъ, причемъ тутъ борода моей
матери, когда у нея не было бороды, а
во-вторыхъ пусть говоритъ Соломонъ.

Моисей.

Ну и если будетъ говорить Соломонъ
Такъ и что?

Соломонъ *(положительно)*

Во первыхъ Моисей вретъ.

Раввинъ.

Ты, дорогой, поосторожнѣй съ пророками.

Соломонъ.

Да нѣтъ, господинъ раввинъ, это совсѣмъ
не тотъ Моисей, а этотъ Моисей.
Барухъ говорилъ, что у евреевъ есть
предразсудокъ, что душа, въ законѣ,

можетъ умирать. И что Моисей былъ
гораздо умнѣе раввиновъ. Потомъ онъ
сказалъ: и почему это евреи себѣ
думаютъ, что они избранный народъ?
А если избранный, такъ и что? Развѣ
каждый гой, если онъ только захочетъ,
не станетъ первосвященникомъ
по чину Мельхиседекову: очень
даже станетъ!

(входитъ Мортеира)

Раввинъ.

И зачѣмъ это позволяютъ еврейскимъ
мальчикамъ читать Каббалу и Маймонида.
Вотъ онъ и станетъ христіаниномъ
и будетъ себѣ плевать на Моисея,
а то бы они никогда
до этого не дошли своимъ умомъ.

Мортеира.

Положимъ, Барухъ до этого дошёлъ своимъ умомъ.
И, если ангелы склонялись молча слушать
Слова святого рабби-Бенъ-Леви,
То, можетъ быть, они слова Спинозы
Несутъ къ устамъ священнымъ Аданая,
А Онъ цѣлуетъ слово каждое,
И внизъ бросаетъ, и летитъ въ пространствахъ

И распускается сей огненный цвѣтокъ,
Творя свой міръ въ мірахъ огненносущныхъ,
Соогненныхъ ему по силѣ бытія.
Такъ говоритъ ученье каббалистовъ
Не о тѣхъ, кто слово новое сказалъ въ наукѣ вѣчной,
Но кто наукѣ вѣчность новую открылъ.

(Раввинъ смотритъ ему въ ротъ, открывши свой; евреи прячутся другъ за друга).

СЦЕНА 3-Я

Португальская синагога въ Амстердамѣ.
Собраніе. Раввины, народъ.

Молчаніе.

Входитъ Спиноза, всѣ его сторонятся.

Мортеира *(встаетъ и подходитъ къ Спинозѣ).*

Записанъ золотыми письменами
И книгѣ вѣчности завѣщанъ навсегда
Тотъ свѣтлый день, когда еще друзьями
Мы были, юноша, и древняя звѣзда
— Звѣзда любви въ пустынѣ синей духа, —
Вдругъ вспыхнула, какъ молнія, на мигъ.
И помнитъ совѣсть спящая Боруха,
Что можетъ женщины быть ближе ученикъ.
Я помню день, какъ заблестѣли взоры
Очей твоихъ, когда моей рукой,
Таинственно шурша развились свитки Торы.
И пламя буквъ открылось предъ тобой.
И духъ твой становился благороднѣй,
Въ сѣдыхъ туманахъ книги Бытія,
Изъ синей чаши Мудрости Господней
Ты пилъ со мной, дыханье затая.
Но часъ насталъ: душа твоя живая
Познала новыя священныя моря.

И въ страны вѣчности отъ синихъ скалъ Синая
Ты отлетѣлъ на западъ Бытія.
Въ послѣднiй разъ скрестилися дороги,
Въ послѣднiй разъ Спинозу мы зовёмъ,
Иль вѣтвь священную на древѣ синагоги.
— Вѣтвь лучшую мы завтра отсѣчёмъ.

(Спиноза въ раздумьи)

И вотъ стоишь и нѣтъ въ устахъ отвѣта.
А заклинаю я твоей душой
И вѣчнымъ камнемъ тайнаго завѣта
Любви между тобой и мной.

(молчанiе)

Спиноза.

Послушай, Мортеира, ты дѣйствительно выучилъ меня еврейскому языку. Читалъ со мной Тору, Талмудъ и Маймонида. Однако, замѣть, что про Бога я ничего не узналъ оттуда. Ничего, кромѣ самого слова Богъ. Вмѣсто того чтобы поклоняться дряхлымъ ошибкамъ и упрекать меня въ оскорбленiи закона, попробуй, ты, или вотъ вы, раввины, доказать мнѣ, что я, какъ говорятъ, проповѣдывалъ безбожiе.

(Соломонъ и Моисей высовываютъ морды изъ толпы)

Моисей.

Ты говорилъ, что у Бога нѣтъ бороды.

Соломонъ.

Ну, положимъ, онъ этого не говорилъ. . .

Мортеира.

Тише!

Спиноза.

А, это вы. Вы должны хорошо помнить, что когда вы приставали ко мнѣ съ разспросами, я сказалъ вамъ сначала, что коли вы евреи, такъ и слушайтесь пророковъ и Моисея, а вы хотѣли непремѣнно разъяснить ваши нѣкоторыя сомнѣнія въ законѣ; отсюда ясно, что въ законѣ сомнѣвались вы, а не я.

(Моисей и Соломонъ прячутъ морды въ толпу)

Ну, вотъ, довольно объ этомъ. Мнѣ подобаетъ прежде всего предупредить васъ, что времени у меня немного, ибо я долженъ спѣшить на урокъ латинскаго языка. Я думаю, что вамъ довольно будетъ знать слѣдующее: я рѣшительно отвергаю мнѣніе, что пророки говорили непосредственно съ Богомъ, какъ я говорю съ вами. Правда, Моисей говорилъ съ Богомъ лицомъ къ лицу,

какъ человѣкъ съ человѣкомъ, но единственно только Христосъ...

(Общее смятеніе)

Голоса изъ толпы.

— Богохульство!
— Онъ оскверняетъ синагогу!

Моисей *(высовывая морду изъ толпы)*

Гой! *(плюетъ на него)*.

Соломонъ *(высовывая морду изъ толпы)*

Гой! *(плюетъ на него, но промахнувшись, попадаетъ плевкомъ въ Моисея)*.

Мортеира *(раздирая на себѣ одежду)*

Вонъ изъ дома молитвы! Да проклянетъ тебя Богъ евреевъ!

(Всѣ разступаются; Спиноза идетъ къ выходу. Спиноза на порогѣ; у двери стоящіе пихаютъ его ногами и плюютъ на него)

Мортеира.

Тебя вышлютъ изъ Амстердама.

Спиноза.

Да, чтобъ сородичи меня не вздумали
Вторично ударить ножомъ въ спину.

СЦЕНА 4-АЯ

Португальская синагога въ Амстердамѣ. Собраніе. Раввины съ черными свѣчами въ рукахъ. Мортеира на возвышеніи посрединѣ. Чтецъ-канторъ у порога съ рогомъ. Народъ.

Мортеира.

Такъ рѣшено на ангельскомъ соборѣ,
Такъ постановлено въ собраніи святыхъ.
Въ слухъ сущихъ, будущихъ и мертвыхъ объявляемъ:
По волѣ Бога, общества евреевъ
И въ силу книги Страха и Закона
Мы произносимъ нынѣ отлученье
Во имя Господа-Горящей-Купины,
Чьимъ именемъ разъялися пучины,
Летящаго на многошумныхъ крыльяхъ,

На огненноочитыхъ серафимахъ,
Во имя огненныхъ круговъ колёсъ и тварей
Священной Iезикьеля колесницы,
Во имя тайное, священное, глухое
Живаго Бога (Бога Iеговы).
Во имя одночисленныхъ имёнъ,
Звѣрей священныхъ и колесъ крылатыхъ.
Да проклянутъ его устами серафимы;
Да проклянутъ его начала, власти, тьмы,
И, такъ какъ онъ родился въ ноябрѣ,
Которымъ правитъ ангелъ Адоноéль,
Да проклянутъ отступника уста
Начальника и ангеловъ подвластныхъ,
Да проклянутъ его семь ангеловъ недѣли
И ангелы единыхъ съ ними войскъ.
И ты, Владыка страха князь закона,
Да проклянешь его глаголомъ устъ твоихъ
Ты именуемый печатью и вѣнцомъ,
И, наконецъ, да будетъ проклятъ Богомъ.

(Пауза).

Великiй Богъ, Богъ духовъ всюдусущiй,
Искорени его, сотри и истреби.
Куда бы онъ не обратилъ стопы
Да сгинетъ отъ меча, чумы и лихорадки
И чрево онъ свое пусть самъ себѣ пронзитъ.
Огнь поядающiй — гнѣвъ Господа — обыметъ
Его и волосы главы его зажжётъ.
И, се, разступится земля и будетъ пожранъ,

Въ сѣнь смертную подъ землю перейдётъ,
И ангелъ Господа толкнетъ его во тьмѣ.

(Паузa).

И всѣ проклятья книги Моисея,
Шестьсотъ тринадцать заповѣдей Торы
На го́лову, на го́лову его.
И вытравить Господь изъ книги жизни имя
Отступника, кощунника святынь.
Аминь!

Раввины.

Аминь!

Народъ.

Аминь!

(Раввины тушатъ свѣчи въ чашѣ. Чтецъ у порога трубитъ въ рогѣ. Вѣтромъ распахиваются двери. Свѣтильники гаснутъ. Всѣ расходятся, кромѣ Мортеиры).

СЦЕНА 5-АЯ

Мортеира *(одинъ)*.

Казалось въ воздухѣ проклятья устъ застыли.
Народъ стоялъ, угрюмо сдвинувъ брови,
И свѣчи черныя раввины потушили,
Точа по каплѣ воскъ шипѣвшій въ чашу крови.
Въ молчаніи тѣснилась синагога,
Въ молчаньи грозномъ ненависти духа,
Открылись двери, вихрь дохнулъ съ порога
И рогъ завылъ торжественно и глухо.
И мнилось содрогнулись свитки Торы
И распахнулись шитыя завѣсы,
Живымъ дыханьемъ Господа разъяты...

(загораются огненныя восьмерки и огненные круги).

Голосъ:

Глаза горѣ. Синь скиніи Господней
Утверждена въ пространствахъ навсегда

И каждый день, день сущаго сегодня
Уже есть День Великаго Суда.

Голоса:

Поютъ, не помнятъ, забываютъ,
Но у порога Онъ стоитъ
И, если Имъ пренебрегаютъ,
Съ людьми Онъ громомъ говоритъ.

(Молнія, ударъ грома).

Духи.

Никто отъ сотворенья міра
Не видѣлъ ликъ Его, а мы,
— Назвавъ насъ вызвалъ Мортеира:
Мы здѣсь: начала, власти, тьмы.
И въ смертный слухъ неуловимы
Неслышны крылья Тишины,
А мы, мы духи-херувимы,
Шестокрылатые чины.
Священнотайные незримы
Огни очей Его, а мы, —
— Мы очи-духи-серафимы,
Огнь отъ огня Его есьмы.

Мортеира.

Моисей. . .

Духи.

Ты слышалъ съ нимъ въ горахъ Синая
Сухую грозную грозу?
Аминь! Во имя Аданая
Что наверху, то и внизу.
И все, чѣмъ дышетъ тварь земная,
Что кровь къ щекамъ твоимъ стремитъ,
Въ священномъ сердцѣ Аданая,
Въ дыханьи Бога будто спитъ.
Не рухнетъ твердь, не встанутъ воды:
Онъ грань стихіямъ положилъ,
И, въ непреложности природы,
Лишь духъ свободнымъ сотворилъ.
Кто рушитъ строй сей, презирая,
— Познаетъ Божію грозу
Во имя страшное Шоддая
Что наверху, то и внизу.

(Тишина. Всѣ свѣтильники зажигаются сами собою: предъ ковчежцемъ Торы возникаетъ красный Ангелъ, подъемля вверхъ правую руку и лѣвое крыло, и, указуя внизъ лѣвой рукой и правымъ крыломъ; между перстовъ его пробѣгаетъ молнія. Стѣны синагоги рушатся).

СЦЕНА 6-АЯ

Комната Спинозы въ Гаагѣ
Спиноза и Симонъ де Врисъ.

Спиноза.

Ко мнѣ пришелъ французскій офицеръ,
Перебиралъ невѣжливо трактаты,
Которые ты видишь на столѣ,
Несъ чушь несносную и спрашивалъ меня:
Не согласится ль господинъ философъ
Отъ короля любителя науки
Принять пожизненный годичный пенсіонъ.
Я усмѣхнулся и ему отвѣтилъ,
Что я — еврей, а всѣ мы коммерсанты,
И, что король навѣрное недаромъ
Мнѣ предлагаетъ сдѣлку въ этомъ духѣ,
И, что навѣрное такую ломитъ цѣну,
Что мнѣ придется душу заложить,

Что бъ только выплатить. — Напротивъ,
Его величество щедрѣйшій изъ монарховъ,
Промолвилъ онъ и снова началъ рыться
Въ моихъ бумагахъ.
Я, признаюсь, бѣсился, но молчалъ.
Трактатъ о радугѣ ему попался въ руки,
— Онъ восхитился и спросилъ съ улыбкой:
Не правда ль, — это очень остроумно, —
Что можетъ тоньше быть чѣмъ радуга небесъ
Съ торжественнымъ латинскимъ посвященьемъ
Его величеству и солнцу-королю?
Я отвѣчалъ, что это просто пошло,
Что вашъ король трактатъ читать не станетъ,
А, если станетъ, — сло́ва не поймётъ.

(беретъ со стола письмо)

Отъ имени электра Палатина,
Который будто бы читалъ мои работы, —
Фабриціусъ, философъ и совѣтникъ
Его высочества электра, — предложилъ
Мнѣ кафедру науки всѣхъ наукъ
Въ универстетѣ славномъ Гейдельберга.
Онъ письменно меня завѣрилъ въ томъ,
Что cum amplissima philosophandi libertate
Я курсъ могу читать и думать какъ хочу,
Но, что религію которую они признали
Законной, трогать мнѣ нельзя.
Я вѣжливо отвѣтилъ по латыни,
Что перегруженный заказами на стёкла,

Я вынужденъ отъ чести отказаться
И въ ремесло такое не гожусь.
Но почему за деньги люди просятъ душу
И независимость хотятъ мою купить?

Симонъ деВрисъ *(смѣясь)*

Вотъ именно. И чтобъ ты не нуждался,
Подарокъ я принесъ тебѣ; считай:

(сыплетъ груду золота на столъ)

Двѣ тысячи флориновъ безъ изъяну,
Безъ податей на душу, безъ условій,
Безъ припаданья къ падали на тронахъ,
Во имя дружбы двухъ мужскихъ сердецъ.

Спиноза *(тронутъ; задумывается; улыбается)*.

А стекла?

Симонъ де Врисъ *(улыбаясь)*

Будутъ покрываться пылью.

Спиноза.

Послушай, я вѣдь ѣмъ — молочный супъ,
А пива пью — полкружки въ двѣ недѣли,

Табакъ курю, когда нѣтъ пауковъ,
А здѣсь ихъ, слава Богу, уйма.

(Съ гордостью показываетъ въ углы комнаты. Сыплетъ деньги обратно въ кошель и отдаетъ его Симону де Врису).

А этотъ день запомню я навѣки.

Симонъ де Врисъ.

Дружочекъ, я ужъ старъ и скоро въ гости къ Богу
Душа вернется снова молодой.
Тѣмъ хуже для тебя: по завѣщанью
Спиноза не посмѣетъ не принять
Пять кораблей, три лавки въ Амстердамѣ. . .

(Спиноза разводитъ въ ужасѣ руками).

Корицу, перецъ, сахаръ и инбирь —
Все превращу я въ деньги передъ смертью
И чистымъ золотомъ достанется тебѣ
Уже не двѣ, а цѣлыхъ тридцать тысячъ.
Я холостъ, безъ жены и безъ дѣтей.

Спиноза.

Но братъ твой живъ, а я. . .
Какой же я наслѣдникъ?

Симонъ де Врисъ *(задумывается; положительно)*

Ладно, пенсіонъ.
Пятьсотъ флориновъ въ годъ, пожизненно, до смерти.

Спиноза.

Торгуюсь. — Триста. — Хватитъ съ головой.

Симонъ де Врисъ.

Стой! Авраамъ, твой пращуръ, славно спорилъ съ
Богомъ:
Съ пятидести доѣхалъ до пяти.
Но я не Богъ и слово ты свое сказалъ,
Я вѣрю на́ слово расписки не беру.

СЦЕНА 7-АЯ

Комнаты Спинозы въ Гаагѣ.
Спиноза (одинъ) идетъ къ окну и открываетъ его.
Иллюминація. Музыка.

Спиноза.

Какъ паруса, надулись флаги,
Горятъ по улицамъ огни,
И пиво пьютъ мѣщане Гаги,
И праздникъ празднуютъ они.
Такъ веселись и ты, Спиноза,
Пусть свитокъ, тлѣющій въ печи,
Цвѣтетъ, какъ огненная роза,
Горитъ, какъ Сиріусъ въ ночи.
И пусть листы необоримой,
Неопалимой Купины
Пройдутъ сквозь пламень серафимовъ,
Вернутся въ тайну тишины.
Прощайтесь нынѣ съ письменами

Священнотайныя слова,
Изъ буквъ латинскихъ пламенами
Вдругъ вспыхнетъ имя — Іегова,
И — въ языкахъ огня зажженныхъ
Еврейскихъ буквъ — прочтётся тó,
Что свѣтлый трудъ ночей безсонныхъ
Теперь ужъ не прочтётъ никто.

(Беретъ нѣсколько тетрадей со стола и бросаетъ ихъ въ печь. Стучатъ).

Однако, я говорю стихами, а это мнѣ несвойственно.

(Входитъ Ольденбургъ).

Ольденбургъ.

Здравствуй, ты говоришь самъ съ собой стихами.
Не духъ ли Мортеиры почилъ на тебѣ?

Спиноза.

А развѣ онъ умеръ?

Ольденбургъ.

Да, на него обрушился потолокъ синагоги.
Ты не вѣришь? *(Спиноза сомнѣвается).*
Vos aeteni ignes et non violabile vestrum testor numen.

Спиноза.

Нѣтъ ужъ, пожалуйста, не клянись. Затѣмъ, что какъ только Синонъ поклялся, онъ сразу же началъ лгать, хотя до того говорилъ правду.

Ольденбургъ *(подошелъ къ печи)*.

Что это у тебя за испанское развлеченіе?

(подходитъ къ печи и пробуетъ вытащить одну изъ тетрадей).

Спиноза.

Руки прочь. Осторожно. Это жжётся и славно жжётся.

Ольденбургъ *(пристально глядя на него)*

Неужели это Этика?

Спиноза.

Нѣтъ, Этика уже запродана издателю,
А это мой переводъ Пятикнижія.

Ольденбургъ.

Какъ хорошо, что это не Этика.

Спиноза.

Ты такъ ее любишь?
Тебя въ ней геометрія прельстила.

(Ольденбургъ разводитъ руками)

А Этика пойдетъ бродить по свѣту,
И, можетъ быть, досужій иностранецъ,
Гость ордена святого Бенедикта,
Съ клеймомъ почетнымъ liber prohibitus
Найдетъ ее и въ паркъ уйдетъ читать.
Иль съ кафедры какой нибудь безумецъ
Съ горящимъ взоромъ мопса-музыканта
Начнетъ вбивать въ фламандскія башки,
Какъ гвозди истины, стальныя теоремы.
И, можетъ быть, коснётся въ слухъ поэта
Моихъ ночей безсонныхъ тишина,
И музыку, неслышимую ухомъ,
Услышитъ онъ и вздрогнетъ, всыхнувъ духомъ.

СЦЕНА 8-АЯ

Комната Спинозы въ Гаагѣ. Ночь. Спиноза въ постели. Входитъ докторъ.

Докторъ.

Вы больной? *(оглядывается)*. Какая бѣдная комната. Чёртъ возьми, чёртъ возьми: безпокоить людей ночью изъ за какого то полудохлаго жида.

(подходитъ къ столу).

Книги, книги и книги, но это совершеннѣйшее безобразіе. *(приглядываясь)*. Что это? — Куриный супъ? Очень хорошо, очень хорошо. Я голоденъ *(садится и ѣстъ супъ)*.

Спиноза.

Скажите, докторъ, правда ли, что передъ смертью

свойственно бываетъ нѣкоторымъ людямъ вспоминать, нѣтъ, я хочу сказать, вспомнить, всю жизнь — вдругъ въ единый мигъ?

Докторъ (*ѣсть супъ*)

Ммхъ?

(*Молчаніе*).

Докторъ (*заскучавъ, раскрываетъ тетрадь и читаетъ безсмысленнымъ голосомъ:*

(*захлопываетъ тетрадь*). Эй, вы, какъ васъ тамъ (*подходитъ къ постели и щупаетъ Спинозу*). Жидъ то, кажется, померъ, а гдѣ вотъ деньги? (*Возвращается къ столу*). — Это стоитъ флоринъ, но здѣсь ихъ пать. Очень хорошо, очень хорошо. Что это такое? — Это разрѣзной ножикъ изъ серебра. (*Забираетъ все и быстро уходитъ*).

Спиноза (*очнувшись*)

Мнѣ вспомнилось такъ явственно сегодня,
Какъ Ольденбургъ сѣдого старика
Ко мнѣ привелъ, старикъ тотъ былъ поэтомъ
— Какой страны не помню, чудно имя
Его звучало и глаза горѣли
Какъ у орла и было что-то
Въ его лицѣ прожжённое огнемъ.

Мы долго говорили по латыни.
И Ольденбургъ, торжественно надѣвши
Очки на носъ, раскрылъ мой манускриптъ
И намъ прочелъ начало Этики моей о Богѣ.
Горѣлъ каминъ, старикъ глядѣлъ въ огонь.
И вдругъ онъ всталъ, поднявъ высоко руки,
Какъ въ храмѣ жрецъ, и началъ говорить:
Косматыя и пламенныя солнца
Встаютъ въ сѣдыхъ туманахъ Бытія.
Спустилось черной тучей вдохновенье,
Стихія обращается въ волну,
Я слышу волнъ громадное движенье.
Настала ночь: я слышу тишину.
Два ангела мечи простерли къ зорямъ:
— Пространства Сѣвера священныя хранятъ
И муза Меланхоліи надъ моремъ
Вперила взоръ безумный на закатъ.
Чертой огня, какъ молніей, разрѣзанъ
Горитъ закатъ. Свѣтла печаль моя.
Исполнена послѣдняя трапéза,
Познаетъ солнце западъ Бытія.
Проходятъ дни торжественны, спокойны,
Настала ночь полуночной страны.
Снѣга тихи, лучи сіяній стройны,
Стою, овѣянъ тайной тишины.
Се, Азъ Есмь Тишина Вселенной
Въ многокрылатости безъ крылъ,
Есмь въ откровеньяхъ сокровенный,
Глаголющій черезъ Сивиллъ,
Волхвовъ, пророковъ и поэтовъ... 1927-1928

Онъ чѣмъ то мнѣ напомнилъ Мортеиру,
Но Мортеира былъ высокомѣренъ
И весь надменность съ головы до пятъ.
Онъ мнѣ сказалъ, что принялъ за поэта
Меня: за точность мыслей и за скупость словъ.
А я ему сказалъ, что если долго
Мысль созерцаешь, то она
Становится яснѣе и яснѣе,
Гармоніи священной подчиняясь,
И тихо Божественный пріемлетъ строй:
Какъ музыка,

(подумавъ)

как Тишина.

(Умираетъ).

1933—1934 г.г.
Аббатство Маредсу,
Медонъ, Парижъ,
а также въ поѣздѣ
между Парижемъ
и Шартромъ.

МУЗА ГОРНЫХЪ СТРАНЪ

Былъ синій вечеръ горныхъ странъ;
Легли туманы по долинамъ
И въ сонныхъ гнѣздахъ караванъ
Уснулъ въ убѣжищѣ орлиномъ.

Почили дали въ синей мглѣ,
Погасли снѣжныя громады;
Стоялъ одинъ я на скалѣ
Въ странѣ заоблачной прохлады.

Лучи луны въ руинахъ скалъ
Творили царственную сагу,
И горный ключъ въ камняхъ журчалъ
И серебрился по оврагу.

И ключъ журчалъ: — Плыветъ луна,
И Муза горныхъ странъ
Въ тѣни скалы стоитъ одна,
И спитъ твой караванъ.

Насталъ священный часъ луны
Въ сіяньи голубомъ,
Долины холодомъ полны,
А горы колдовствомъ.

Кругомъ скалистый кругозоръ
Альпійской высоты:
Громады синихъ лунныхъ горъ,
Туманные хребты.

Изъ мертвыхъ странъ живой кристаллъ
Журчалъ средь тишины,
Струясь по рунамъ древнихъ скалъ
Въ сіяніи луны.

И пѣла Муза горныхъ странъ:
— Въ долинахъ тихъ туманъ,
Громады скалъ озарены,
И духи видятъ сны.

У ногъ Мадонны горныхъ странъ
Скалистый спитъ драконъ,
Хребтомъ зубчатымъ сквозь туманъ
Въ озерахъ отраженъ.

Недвижны облака окрестъ:
Все спитъ глубокимъ сномъ;
Тамъ на вершинѣ виденъ крестъ
Въ сіяньи голубомъ.

Высоко въ скалахъ спитъ орелъ
Въ своемъ гнѣздѣ глухомъ;
Онъ внемлетъ звонамъ дальнихъ селъ
И бьетъ во снѣ крыломъ.

Ужъ духи горъ трубятъ въ рога:
Мадонна спитъ съ Христомъ,
Храня альпійскіе снѣга,
Архангелъ спитъ съ мечомъ.

Въ пространствахъ каменной страны
Подъ луннымъ валуномъ,
Овѣянъ тайной тишины,
Стоитъ твой горный домъ.

Туда, за мной, — а караванъ
Пусть спитъ и видитъ сны.
Такъ пѣла Муза горныхъ странъ
Въ священный часъ луны.

Дымятся синіе луга,
Горятъ альпійскіе снѣга,
Часъ утра настаетъ,
И, погружаясь въ лоно водъ,
Драконъ по озеру плыветъ.

И тишины снѣговъ не нарушая,
Покой вершинъ крылами осѣня,
Весь горизонтъ, какъ чашу озирая,
Паритъ орелъ въ сіяніи огня.

Умолкнулъ ключъ. И надъ лугами,
Сквозь синій утренній туманъ
Прошла неслышными шагами
И скрылась Муза горныхъ странъ.

Савойи хвойные лѣса
Дымилися кругомъ,
На рододендронахъ роса
Блеснула подъ лучомъ.

И въ этотъ часъ Всемірной Литургіи,
Когда дымилися альпійскіе луга,
Я вспомнилъ васъ, — лѣса моей Россіи,
Я вспомнилъ васъ — священные снѣга.

А солнце медленно надъ Альпами всходило,
И, отряхая росы съ синихъ крылъ,
Архангелъ Господа, подъявши вверхъ кадило,
Крестомъ огня весь сѣверъ осѣнилъ.

Meudon іюнь.
Venosc іюль 1934.

ПОВѢСТЬ
О
СЕРГІИ РАДОНЕЖСКОМЪ,
О
МЕДВѢДѢ ЕГО АРКУДѢ
И О
БИТВѢ КУЛИКОВСКОЙ.

(1934).

Посвящается
Леночкѣ Прокофьевой
и
П. С. Кранову.

* *
*

Я слышу голосъ издалёка,
— Поетъ стрѣла, блеснула сталь;
— Весь горизонтъ открытъ широко:
За далью даль, за далью даль.

Изъ края въ край снѣга сѣдые,
— По елямъ стелется туманъ.
Объ ангелѣ лѣсной Россіи
Повѣдай, муза горныхъ странъ.

Стоятъ отъ вѣка и донынѣ
Лѣса: — береза, ель, сосна.
Лѣса — россійскія пустыни.
Лѣсная святость — тишина.

И надъ снѣгами и лѣсами,
Недвижна взоромъ и челомъ,
Склонилась тишина надъ вами,
Какъ Богоматерь надъ Христомъ.

— Ни звѣзды Господа живыя
Горятъ на ангельскихъ щитахъ:
— Какъ очи, — свѣчи восковыя
Въ сосновыхъ теплятся скитахъ.

Ни копья ангеловъ Россіи
Передъ Христомъ вознесены,
— То ели стройныя, сѣдыя
Изъ края въ край озарены.

И Духъ Святой глядитъ въ пучины
Морей сосновой купины.
Лѣса, лѣса ненарушимой
Священнотайной тишины.

* *
*

Тропой глухой, тропой звѣриной
По бору иноки идутъ.
Что шагъ — кусты лѣсной малины
Шипами въ клочья рясы рвутъ.

Стоятъ, подобны исполинамъ,
Стволы, куда ни кинешь взоръ,
Не слышенъ вѣтеръ по вершинамъ,
Струитъ вечерный ладанъ боръ. *)

Не заѣзжалъ сюда татаринъ,
Не заводилъ коровъ пастухъ,
Не засылалъ сюда бояринъ
За краснымъ звѣремъ вѣрныхъ слугъ,

Неслышна ханская обида,
Баскакъ не скачетъ въ чёрный боръ.

Писано въ автокарѣ между Venosc'омъ и Allemont.

Идутъ, — поютъ псалмы Давида,
— Порой заводятъ разговоръ.

— «Посланецъ нашего владыки
Сію пустыню посѣтилъ.
Три дня онъ шелъ и лѣсъ великій
Его три ночи сторожилъ.

Посланецъ убѣжалъ оттуда.
И вотъ, когда пришелъ назадъ.
Онъ говорилъ, что звѣрь Аркуда
Лѣсному мниху крестный братъ.» —

— «Онъ, говорятъ, премного бѣденъ:
Питается одной корой.» —
— «Онъ, говорятъ, живетъ съ медвѣдемъ
И съ бѣлкой дружитъ, какъ съ сестрой.

Окрестъ звѣрье живетъ по чину:
Псалтирь читаютъ снигири,
А въ часъ вечерній на плотину
Идутъ лягушки-звонари.

Тамъ, басомъ, облачась въ хламиду,
Медвѣдь глаголетъ первый часъ
И волки служатъ панихиду,
Когда въ скиту огонь погасъ.

Тамъ, на священныя рипиды
Всѣ перья птицы отдаютъ.» —

— «И, говорятъ, что даже гниды
Ежей постами не грызутъ. *)

— Понеже ежъ отъ многихъ иголъ
Не можетъ плоть свою чесать»...

Изъ за куста глядитъ лисица,
Ворона кажетъ путь на скитъ.
Блеснетъ вечерняя зарница,
— Далече небо озаритъ

Опять далеко алый пламень.
Окаменѣвъ, какъ три столпа,
Глядятъ: — бѣлѣетъ дикій камень,
Троится на трое тропа.

Креснулъ огня, доставъ огнива,
И озарилася трава.
Вкругъ камня выросла крапива.
Читаетъ стёртыя слова:

«Во славу Троицы святыя...
— А дале что — не разобрать:
Всю надпись съѣли мхи сѣдые
И лапой охватилъ, какъ тать,

---

*) Автору хорошо извѣстно, что гниды суть яички вшей и никого грызть не могутъ. — Ошибка сія сознательна, хотя, по мнѣнію И. С. Шмелева, и недопустима.

Могучій корень древней ели
Основу камня. Ляжемъ спать.» —
Тихонько сосны зашумѣли
И кто-то началъ завывать.

— «Се звѣри вышли на ловитву.» —
И вотъ, скорѣй чѣмъ я мигну,
Не сговорясь, творя молитву,
Они полѣзли на сосну.

Мнѣ разсказала Муза страха
И слушалъ я разсказъ, крестясь.
О томъ, какъ спали три монаха,
Какъ совы, въ вѣткахъ примостясь.

А Муза смѣха мнѣ сказала,
Что бѣлка на соснѣ жила,
Спать съ чернецами не желала,
Всю ночь орѣхи въ нихъ кидала
И не пустила до дупла.

Теперь — прошу — вообразите:
Внизу анафемскій провалъ;
Чуть-чуть заснули — внизъ скользите.
(Я самъ на ели какъ то спалъ). *)

---

*) Авторъ не лжетъ. — Ему, дѣйствительно, привелось разъ спать на полуповаленной ели, спасаясь отъ ночной росы, близъ горнаго цирка Белладонны. (въ 1932 году).

Дупло тамъ славное зіяло,
— Пошире, чѣмъ хорошій гробъ.
Но бѣлка скорлупу кидала
Прямехонько въ крещенный лобъ

Монахамъ на воздусѣхъ сущимъ.
— Она грозила имъ хвостомъ,
Бранилась пуще, пуще, пуще
И не пустила въ бѣлкинъ домъ.

Такъ на воздусѣхъ пребывали,
Воюя съ бѣлкой и дрожа.
Къ разсвѣту два изъ нихъ упали
И накололись на ежа.

* *
*

Подобное лицу пророка
Въ дыму Синайскихъ облаковъ
Восходитъ солнце отъ востока
Надъ моремъ сѣверныхъ лѣсовъ.

Восходитъ солнце надъ лѣсами
Но полно, ужъ заря горитъ,
Идутъ монахи межъ стволами
Предъ ними забѣлѣлся скитъ.

Хотя то не былъ день скоромный,
Медвѣдь, который не постилъ ,
Какъ хамъ лежалъ подъ елью темной
И блохъ внимательно ловилъ.

И покидая лѣса своды
Монахи стали. Звѣрь глядитъ.

Поднявши морду отъ колоды,
Глядитъ, глядитъ и не рычитъ.

Одинъ со страху сѣлъ въ крапиву
И тамъ дрожалъ, какъ овчій хвостъ.
Другой свой носъ разбилъ, какъ сливу,
Лицомъ ударившись въ помостъ.

А третій инокъ и послѣдній,
Имѣя мысль въ умѣ одну,
Наукѣ вѣрный, какъ намедни,
Полѣзъ не ближнюю сосну.

Но жизнь спасая такъ старался,
Что постепенно раздѣвался
И, рясу разорвавъ въ конецъ,
Онъ вылѣзъ голый какъ мертвецъ

Лишонъ монашьяго величья
На верхъ сосны, и тамъ дрожалъ.
Но полно, скажемъ изъ приличья,
Онъ часть одежды потерялъ.

Межъ тѣмъ, привставъ на задни лапы,
Медвѣдь презрительно глядѣлъ,
Но почесался съ дикимъ храпомъ
И вновь подъ ель свою засѣлъ

И даже повернулся задомъ
Къ святымъ мужамъ. На мягкій мохъ

Улегся онъ съ колодой рядомъ
И снова принялся за блохъ.

А блохи съ ножками изъ стали
Шли волосокъ за волоскомъ,
Какъ брашно Мишку поѣдали
И пѣли тонкимъ голоскомъ.

Пѣсня блохъ

Посв. А. И. Вожакову.

Во всякой хитрости военной
Какъ татарва изощрены,
Народъ осѣдлый и презрѣнный,
Живутъ вишневые паны.

Во всѣхъ щеляхъ домовъ Россіи
Находятъ дерзостный пріютъ
Сіи душители ночные,
Имъ славы блохи не споютъ!

Ихъ родъ безъ-крылъ, жестокосердый.
Безъ ножекъ рѣзвыхъ и стальныхъ.
Такъ знайте жъ, это только смерды,
Собратья вошей плотяныхъ.

Мы жъ изъ сословія свободныхъ,
Лихихъ наѣздниковъ народъ,
И въ нашихъ жилахъ благородныхъ
Дворянской крови токъ течетъ.

Ушкуйникъ Васька, сынъ Буслаевъ,
И хитрый атаманъ Кольцо —
Одной чертой соединяетъ
Насъ всѣхъ разбойничье лицо.

И все, чѣмъ славится Россія
И будетъ славится въ вѣкахъ:
Въ лѣсахъ разбойнички лихіе,
Ушкуйники святой Софіи,
Казаки вольные въ бѣгахъ,

Тѣ запорожцы въ шароварахъ,
Тѣ ермаки-богатыри,
Та кровь дворянская въ гусарахъ,
Тѣ самозванные цари,

Съ блохами васъ роднятъ въ Россіи,
Когда вы мчитесь на коняхъ,
И ноги рѣзвыя стальныя
И рожи смуглыя въ усахъ.

Все, все, что вольностью дышало —
Звени, разбойничій чеканъ! —
Что бурѣ пѣсней отвѣчало:
Иванъ-гроза, Никита панъ.

Идутъ среди лѣсовъ дремучихъ,
На сине море палъ туманъ,
Клубятся надъ лѣсами тучи
Тряхнулъ кудрями атаманъ.

* *
*

А между тѣмъ Аркуда кушалъ
Въ шерсти живущее звѣрье.
А что до пѣсни, Мишка слушалъ
Не безъ вниманія ее.

Окрестъ, какъ въ чашу тайны, ели
Глядѣлись въ глубь болотъ зерцалъ,
Березы вѣтви зашумѣли
И на поляне инокъ всталъ.

Одѣтъ суровою холстиной,
Бѣлъ, какъ береза, онъ стоялъ

Такой чудной и длинный, длинный,
Что если бъ не лица закалъ

И эти волосы прямые,
Какъ два блестящія крыла,
Въ отливахъ стали вороные,
И эти очи голубыя,
То, такъ какъ въ юношѣ была

Деревъ божественная стройность,
Онъ лучшей былъ бы изъ березъ.
А если онъ одной примѣтой
Опредѣлялся до конца
Главнѣйшей, мнится мнѣ, что это
Была задумчивость лица.

Онъ жилъ, исполненъ свѣтлой думы,
Въ пустыняхъ Божьей тишины,
Но молній блескъ и вѣтра шумы,
И черный сонъ родной страны:

Руси извѣчные пожары,
Князей угрюмая вражда,
Баскаки, ярлыки, татары,
— Нѣтъ, не забылъ онъ никогда,

Въ скиту, молясь предъ образами
Въ дыханьи Божьей тишины,
Что за сосновыми лѣсами
Была Россія. Мы должны

Вернуться къ инокамъ. Не смѣя
Дохнуть, сидятъ они томны. —
— «Кто вы?» — «Посланцы архіерея».
Былъ сумрачный отвѣтъ съ сосны.

Но зубы у него стучали
И вѣтеръ ту сосну качалъ,
А два другихъ межъ тѣмъ икали,
И звукъ иканья заглушалъ

Раздѣльность словъ. Склонившись долу
Имъ въ поясъ сотворилъ поклонъ
Пустынникъ юный и къ престолу
Лѣсного храма проситъ онъ

Спуститься ихъ. Чинъ Литургіи
Свершить, пока еще вверху
Не встало солнце странъ Россіи,
Пока свѣжа роса на мху.

Глядятъ на срубъ лѣсного храма.
Не сѣкли бревенъ топоры,
Однако жъ онъ построенъ прямо:
— Здѣсь потрудилися бобры —

Сказалъ пустынникъ. Вотъ крылечко.
Глядятъ они на вереи.
Хитро индійское колечко
— Здѣсь потрудились муравьи. —

Вотъ стали на порогѣ храма.
Молчатъ. Коверъ къ вратамъ ведетъ:
То мха цвѣтного пополама,
И кустъ шиповника цвѣтетъ.

Предъ Богородичной иконой
Завѣсу ткали пауки
140 дней. Идутъ съ поклономъ
Они въ алтарь. И вотъ, низки

Имъ показались всѣ соборы,
Понеже сложены шатромъ
Стволы сосновые въ просторы
Ушли. Былъ свѣтелъ Божій домъ.

Чинъ сотворивши Литургіи,
Пустынникъ ихъ приводитъ въ скитъ,
И яства къ полднику лѣсныя
Онъ Мишкѣ принести велитъ.

Вамъ хочется узнать причины
Покуда Мишка лижетъ мохъ
Сбираетъ ягоды малины,
Грибы да медъ, и ловитъ блохъ;

Узнать причины, по которымъ —
Но авторъ дьявольски смущенъ
Симъ своевременнымъ укоромъ
Понеже архіереемъ онъ

Не извѣщенъ былъ о причинахъ,
Самъ чернецовъ не посылалъ,
А тѣмъ, виновнымъ въ многихъ винахъ
Владыка слова не сказалъ. —

Наѣвшись меду и черники,
Чернецъ, что на соснѣ сидѣлъ,
Сказалъ: «Передъ лицо владыки»...
Но тутъ Аркуда засопѣлъ,

Хотя и вѣжливо сначала,
Но послѣ громче, и зѣвнулъ,
Да такъ, что чернеца пробрала
Нѣмая дрожь и легкій гулъ

Пошелъ по лѣсу отъ зѣванья.
Аркуда очень не любилъ,
Какъ я, длиннотъ повѣствованья.
Пустынникъ тихо опустилъ

На бѣлый столъ стопу рѣзную.
Медвѣдь, принявъ невинный видъ,
Уже ловилъ блоху лихую;
И вновь, ободрясь, говоритъ

Чернецъ: «передъ лицо владыки
Тебя повелѣно привесть!»
Пустынникъ всталъ: «Се путь великій...»
И тотчасъ же, воздавши честь,

И въ храмѣ поклонившись Богу,
Они собралися въ дорогу.

Кусты сомкнулися стѣною,
Ежей на стражу вышелъ полкъ,
И, съ умной сѣрой головою
Улегся на порогѣ волкъ.

Аркудѣ велено остаться
И скитъ снаружи сторожить,
И никуда не отлучаться,
И блохъ по средамъ не ловить.

Идутъ. На елкѣ будто птица
Крыломъ стрѣльнула. «Что еще», —
Пустынникъ молвилъ: — «ты, сестрица?»
И бѣлка сѣла на плечо.

— Идутъ среди лѣсовъ дремучихъ,
Плывутъ по небу облака,
Клубятся на закатѣ тучи,
Тропа вечерняя легка.

МОЛИТВА СВЯТОГО СЕРГІЯ ВЪ ПУТИ

Уходитъ на ночь солнце Бога
Ложится за зубчатый боръ,
Да сохранитъ тебя, дорога,
Самъ песиглавецъ Христофоръ.

И тотъ, что на волнахъ Понтійскихъ
Лелѣетъ въ морѣ корабли,
Услышь, святитель Мирликійскій,
Молитвѣ странниковъ внемли.

Какъ ангелъ юнаго Товіи
Крыла простершій въ оны дни,
Ты, Одигитрія Россіи,
Лѣсныя страны осѣни.

И надъ пустынями лѣсными,
Недвижна взоромъ и челомъ,
Склонилась Тишина надъ ними,
Какъ Богоматерь надъ Христомъ.

*   *
*

Не полыхнетъ зарницы пламень...
Узнали иноки сосну...
Вотъ на дорогѣ дикій камень,
И три тропы слились въ одну,

И мхи раздвинулись сѣдые.
Читаетъ Сергій: (лѣсъ молчитъ):
— «Во славу Троицы Святыя
Всѣ три тропы приводятъ въ скитъ».

*   *
*

Не вѣтеръ ходитъ по вершинамъ,
Не Божій громъ въ лѣсу гремитъ:
По рыжикамъ да по малинамъ
Медвѣдь за Сергіемъ бѣжитъ.

Бѣжитъ, торопится Аркуда,
Вспотѣла морда, голова.
Подъ мышкой разная посуда,
Въ зубахъ — съ малиной еднова.

Бѣжитъ, несетъ корзину пищи,
Въ ушахъ огниво и кремень.

Храня сосновое жилище,
Скучалъ Аркуда цѣлый день,

И вспомнилъ вдругъ, что въ путь великій
Ушелъ пустынникъ, позабывъ
Взять снѣди, а пословъ владыки,
Медвѣдь мгновенно раскусивъ,

Считалъ жрунами той породы,
Для коихъ прорва ротъ чужой,
И посему, собравъ народы
Звѣрей, и волка съ головой

Такою умной и сѣдой
Предупредивъ, Медвѣдь просилъ
Стеречь всѣ выходы и входы,
И побѣжалъ, что было силъ.

Къ землѣ приникши головою,
Одинъ изъ иноковъ сказалъ:
— «Идетъ Илья — пророкъ съ грозою!»
Но передъ ними Мишка всталъ.

Склонивъ косматыя колѣна,
Къ ногамъ пустынника сложилъ
Малину. Съ губъ широко пѣна
Текла и томный рокотъ жилъ,
Влекущихъ кровь къ вискамъ былъ слышенъ. . .

И мнилось, Богу отдавалъ
Лѣсную душу Мишка: «тише,»
Цѣлуя въ лобъ его, сказалъ

Пустынникъ и тихонько руку
Вкругъ шеи Мишкиной обвилъ:
«Прости, что Сергій на разлуку
Меньшого брата осудилъ.»

— «Неужто звѣрь пребудетъ съ нами?»
Завыли въ страхѣ чернецы...
«Когда медвѣди съ чернецами
Ходили?» — «Полноте, отцы,

Или въ житьяхъ вы не читали
О нѣкомъ львѣ Синайскихъ странъ,
О томъ какъ льва оклеветали,
О томъ какъ имя Іорданъ

Нарекъ ему святой Герасимъ?
Да вспомнитъ смертный мой языкъ.
Какъ въ житіяхъ своихъ прекрасенъ,
Великъ Синайскій Патерикъ.

Се повѣсть въ странахъ Аравійскихъ —
А это — пѣснь страны равнинъ.
Медвѣдь есть царь лѣсовъ россійскихъ,
Коль левъ пустыни господинъ.»

Блеснуло утро надъ лѣсами:
По договору впереди
Идетъ Аркуда, съ чернецами
За нимъ пустынникъ позади.

Вотъ конченъ лѣсъ. Отстали ели,
И сосны, правя тихій пиръ,
Какъ море далеко шумѣли:
Отселѣ начинался міръ.

Вечерній звонъ подъ куполами,
Какъ звонъ вѣнчальнаго кольца,
И вотъ, пустынникъ съ чернецами
У монастырскаго крыльца.

Стоятъ три инока, блѣднѣя,
Дрожатъ, мѣняются въ лицѣ.
Келейникъ вышелъ архіерея
И, ротъ раскрывши, на крыльцѣ

Окаменѣлъ, какъ нѣкій столпникъ.
Стоятъ монахи: шагъ назадъ
За ними тихо ждетъ безмолвникъ,
А далѣ, потупляя взглядъ

И видъ имѣя очень скромный,
Съ лукошкомъ ягодъ и коломъ
Стоитъ медвѣдь, какъ ель огромный,
И изрѣдка, пожавъ плечомъ,

Блохи въ шерсти ловить не смѣя,
Въ безмолвьи окомъ поведетъ.
Окошко кельи архіерея
Раскрылось вдругъ. Такъ вотъ онъ тотъ. . .

Святый владыка видѣлъ виды,
Знавалъ баскаковъ и князей,
Извѣдалъ черныя обиды,
Пожаръ и плѣнъ монастырей.

Онъ вспомнить могъ, какъ нѣкій гридень
Заставилъ разъ плясать ежей,
И, наконецъ, онъ даже видѣлъ
Не разъ ученыхъ снигирей.

Онъ видѣлъ змія водъ Понтійскихъ,
Но тутъ онъ чуточку сомлѣлъ:
Понеже царь лѣсовъ россійскихъ
Довольно сумрачно глядѣлъ.

Онъ пригорюнясь, какъ чугунный,
Стоялъ. Чесаться онъ не смѣлъ.
А блохи волосы, какъ струны
Щипали. Но медвѣдь терпѣлъ.

Итакъ медвѣдь довольно косо
На архіерея поглядѣлъ.
Въ устахъ замерзъ языкъ вопроса,
И мигомъ сталъ владыка бѣлъ.

Но, какъ ослица Валаама,
Обрѣтши гибкость языка:
— «Кто тамъ, невѣдомо, незнамо,
Пришелъ толкаться у крыльца?» —

Хотѣлъ спросить онъ. Но со страху
Языкъ, предательская плоть,
Сказалъ: — «Медвѣдю дать рубаху,
А чернецовъ перепороть».

А такъ какъ не было отвѣта
На эту рѣчь, закрывъ глаза,
Владыка молвилъ: «Сыне свѣта,
Иди-ка ты въ свои лѣса!» —

Внимая пастыря глаголу,
Перстомъ коснувшись до земли
И тихо поклонившись долу,
Медвѣдь и Сергій въ лѣсъ ушли.

Познало западъ Солнце Бога
Въ вечернихъ странахъ золотыхъ.
Они пошли своей дорогой,
Одни, среди лѣсовъ глухихъ.

Ушли и канули въ пучинѣ
Морей сосновой купины,
Въ лѣса и мхи ненарушимой,
Священнотайной тишины.

Такъ вотъ она, моя Россія
— Въ сѣдыхъ снѣгахъ да дикихъ мхахъ —
Въ лѣсахъ разбойнички лихіе,
Святые иноки въ скитахъ.

Что параманъ, что нераменникъ,
А крестъ на каждомъ, вѣрно, былъ...
Васъ всѣхъ мой свѣтлый современникъ
Стихомъ и духомъ осѣнилъ.

И нынѣ, тризну совершая,
Почту могилы тишину
— Черта заката огневая —
Гляжу въ родимую страну.

* *
*

Увидѣть смертными очами
Военный станъ и блескъ огней
Мнѣ не дано надъ берегами
Услышать трубы лебедей.

Ты слышалъ ихъ въ сѣдомъ туманѣ
Мой старшій братъ, мой милый братъ.
Горятъ огни въ военномъ станѣ
И тихо люди говорятъ.

Погасли зори за лѣсами,
Огонь костровъ въ туманѣ тухъ,
Завечерѣло надъ лугами,
Выходитъ въ поле князь и другъ.

Садятся на коней храпящихъ.
Ужъ за холмомъ остался станъ
Въ ночи молящихся и спящихъ.
Одной стезей въ глухой туманъ,

Сѣдой какъ моря валъ хвалынскій,
Нахлынувшій изъ дальнихъ странъ,
Въѣзжаютъ Дмитрій мужъ Волынскій
И Дмитрій нынѣ князь Донской.

Бобры сѣдые за плечами,
На шлемахъ изморозь росы.
Текли туманы надъ лугами,
На небѣ знаменья грозы.

— «Что еси, княже Господине,
Ты слышалъ съ лѣвой стороны?»
— «Се волки выли на равнинѣ
И грозы были мнѣ слышны.»

— «Что еси, княже Господине.»
Ты слышалъ съ правой стороны?»
— «Огни, какъ свѣчи по равнинѣ,
Огни и царство тишины.»

— «Святится знаменье завѣта,
Богъ въ тишинѣ своей великъ,
Но есть еще одна примѣта.
Соснемъ.» Съ коня къ землѣ приникъ.

Не города въ землѣ рубили,
Не стрѣлы пѣли пѣснь войны,
Се, княже, трубы не трубили
И грозы были не слышны.

И волны Дона не плескали,
— Но голоса изъ дальнихъ странъ —
Двѣ пѣсни полныя печали
Мнѣ были слышны сквозь туманъ.

Мнѣ были слышны надъ рѣкою,
Сліянны съ двухъ концовъ земли,
Исполнены одной тоскою
Два женскихъ голоса вдали.

Незримы станы сквозь туманы,
Но слышенъ ангела полетъ.
Побѣду чаю на поганыхъ,
Но нашихъ множество падетъ.

И медленно въ туманъ поднявши руки,
Въ сѣдыхъ бобрахъ — угрюмъ, широкогрудъ:
«Заутро день, его же вспомнятъ внуки
И насъ въ своихъ молитвахъ помянутъ.»

Зарницы полыхнуло пламя
И на холмѣ на мигъ возникъ
— Великокняжеское знамя —
Нерукотворный — черный ликъ.

Темна вода во облацѣхъ воздушныхъ
Рѣка мутна — туманы далеки...
Да сохранитъ бойцовъ великодушныхъ
Молитва ангела Россійскія земли.

Туманы разошлись смерчами
И солнцу выявленъ въ отвѣтъ,
Приподнимаясь надъ полями
Блеснулъ шеломомъ Пересвѣтъ.

Я слышу голосъ издалека,
— Поетъ стрѣла, блеснула сталь;
Весь горизонтъ открытъ широко
За далью даль, за далью даль.

Изъ края въ край снѣга сѣдые,
По елямъ стелется туманъ...
Объ ангелѣ лѣсной Россіи
Мнѣ спѣла муза горныхъ странъ.

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON